

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

В ПОИСКАХ ЮЖНОЙ ЗЕМЛИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

В ПОИСКАХ ЮЖНОЙ ЗЕМЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

ББК26.89(81)
М 18

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
А. М. ХАЗАНОВ

Scan AAW

Малаховский К. В.

М18 В поисках Южной Земли. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

102 с. («Рассказы о странах Востока»).

В книге описаны путешествия замечательного испанского мореплавателя Педро Фернандеса де Кироза, в особенности его экспедиция 1605—1606 гг. Содержательно и интересно рисуются быт и нравы испанской монархии XVI—XVII вв., показываются истинные причины заморской экспансии, прикрываемые «заботой» о распространении христианства в «языческих» землях.

М 1905020000-041 146-83
013(02)-83

ББК26.89(81)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

Глава I

В ПОИСКАХ СТРАНЫ ОФИР

В конце июля 1980 г. на земном шаре должно было появиться еще одно суверенное государство. К независимости шел архипелаг Новые Гебриды, на более чем 80 островах которого жило 112 тыс. человек. Архипелаг находился под совместным владением Великобритании и Франции с начала XX в.

Казалось бы, ничто не могло помешать этому событию. Мучительные, растянувшиеся на несколько лет переговоры представителей коренного населения островов с британским и французским правительствами были завершены. Но вдруг в конце мая стало известно, что на крупнейшем острове архипелага — Эспириту-Санто вспыхнул мятеж. Мятежники, захватив главный город острова — Люганвиль, объявили об отказе войти в состав нового государства.

И мало кому до той поры известное название далекого острова замелькало на страницах мировой печати.

Странное название, ведь в переводе с испанского оно означает Святой Дух. Конечно, такое название могло быть дано острову во времена весьма далекие. Но все-таки, почему так был назван один из новогебридских островов?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо совершить путешествие в глубь веков.

В XV в. морское владычество прочно перешло к Испании и Португалии. Их корабли совершали далекие экспедиции, целью которых были поиски драгоценных металлов. Доходившие из глубины веков легенды о несметных богатствах заморских стран воспламеняли сердца испанских и португальских мореплавателей.

Одна из таких легенд содержалась в Библии, в Третьей Книге царей. В ней говорилось, что царь Соломон послал свои корабли в страну Офир, и они вернулись

с золотом, которое пошло на постройку храма в Иерусалиме.

Древние авторы считали, что страна Офир находится где-то в Индии. Об этой легенде знали и Колумб и Магеллан. И тот и другой, идя различными путями, стремились достичь сказочно богатой страны Офир. И тот и другой были уверены, что достигли ее.

После плавания Колумба в 1492 г. борьба между Испанией и Португалией за захват открываемых земель особенно обострилась. Ни одна из стран не имела решающего превосходства, и потому они сочли за благо поделить мир между собой.

Раздел этот был закреплен в 1494 г. Тордесильянским договором, по которому все земли к западу от линии, проходившей в 370 лигах¹ (свыше 2000 км) западнее островов Зеленого Мыса, получала Испания, а к востоку — Португалия. «Высокие договаривающиеся стороны» представляли себе тогда мир плоским. Но в 1522 г. один из кораблей экспедиции Магеллана, «Виктория», под командованием Х. Элькано достиг берегов Испании, совершив первое в истории человечества кругосветное плавание и тем самым доказав, что Земля представляет собой шар. Испанский король Карл V даровал Элькано герб, изображавший земной шар, опоясанный лентой, на которой был начертан девиз: «Primum me circumnavigasti» («Ты первый, кто обошел меня вокруг!»).

Это событие заставило Испанию и Португалию заново обсудить проблему раздела мира. Теперь уже надо было делить и земли Тихоокеанского бассейна.

В 1524 г. представители испанского и португальского монархов встретились для переговоров на границе своих государств в местечке Бадахос.

Но просто и быстро решить проблему раздела земного шара не удалось. Переговоры затянулись. Каждая из сторон стремилась добиться того, чтобы именно к ней отошли Молуккские острова, или, как их называли, Острова Пряностей. И дело было не только в этих островах. Тогда считалось, что легендарная земля Офир лежит к юго-востоку от Молуккских островов.

Ирония ситуации заключалась в том, что ни одна

---

¹ Л и г а — примерно 5,5 км.

из спорящих сторон не имела ясного представления о географическом положении Островов Пряностей.

Не надеясь на благополучное для себя завершение переговоров, Карл V попытался кончить затянувшийся спор, захватив Молуккские острова.

24 июля 1525 г. по его приказу семь кораблей под командованием Гарсии Хофре де Лойясы (в состав экспедиции входил и Элькано) покинули Испанию и направились к Молуккским островам.

Плавание сложилось трагично. К Молуккским островам дошел лишь один корабль «Виктория». В пути погибли де Лойяса и Элькано. Треть команды умерла от болезней. Оставшиеся в живых создали на острове Тидоре колонию, которая сразу же подверглась осаде португальцев.

20 июня 1526 г. Карл V, не получая известий о ходе экспедиции, направил Э. Кортесу, завоевателю Мексики, приказ послать новую экспедицию к Молуккским островам. Кортес поручил ее проведение Альваро де Сааведра, своему двоюродному брату.

31 октября 1527 г. три корабля под командованием де Сааведры вышли в море.

Во время плавания флагман «Флорида» отстал и двигался в одиночку. Судьба других кораблей неизвестна. В начале марта 1528 г. «Флорида» достигла острова Тидор.

Сааведра нашел там своих соотечественников из экспедиции Лойясы в самом бедственном положении: они были окружены осаждавшими их португальцами. Сааведра решил оставить на острове 50 солдат и матросов в помощь сражавшимся испанцам и плыть обратно за подкреплением.

3 июня 1528 г. «Флорида» покинула остров. Но Сааведра не смог добраться до Мексики: направление ветров было неблагоприятным. Корабль дошел лишь до Марианских островов и возвратился к Тидору.

Во время второй попытки достичь американских берегов, предпринятой в мае 1529 г., Сааведра погиб, а его корабль был вынужден вернуться к Молуккским островам. Испанцы высадились на остров Хальмахера. Туда же перебрались их соотечественники с острова Тидор. Впоследствии все они были взяты в плен португальцами.

Видя, что попытки захватить Молуккские острова оканчиваются неудачей, и испытывая острую нужду в деньгах, Карл V, получив от португальцев 350 тыс. дукатов, согласился на проведение линии раздела в 17° к востоку от Молуккских островов. Это было зафиксировано в Сарагосском договоре в апреле 1529 г. Потеряв надежду получить Молуккские острова, испанцы взялись за исследование отошедшей к ним Океании.

В 1538—1541 гг. Карл V, опираясь на Сарагосский договор, заключил с вице-королем Новой Испании ряд соглашений на открытие, захват и колонизацию «островов в южных морях в западном направлении».

Опять испанцы вспомнили библейскую легенду о стране Офир. Поскольку до сих пор ее не нашли ни в Америке, ни в Азии, то, следовательно, единственным местом, где ее можно было обнаружить, оставалась Океания. Уверенность испанцев в этом подкреплялась легендами инков о путешествиях их предков к островам, богатым драгоценными металлами.

Одну из таких легенд услышал живущий в Перу испанец Педро Сармьенто де Гамбоа. Впоследствии он поведал ее в книге «История инков».

Согласно легенде, вождь инков во время своего плавания на базальтовых плотках наткнулся в океане на два острова и вернулся, «привезя с собой черных людей, золото, трон из меди, шкуру и челюсти лошади. Эти трофеи находились в крепости Куско до прихода испанцев... Экспедиция инки Тупака продолжалась девять месяцев, по другим сведениям — год».

Рассказы инков навели де Гамбоа на мысль организовать экспедицию в южные моря. В середине 1567 г. он передал свой проект вице-королю Перу — Лопе Гарсия де Кастро.

Вице-король одобрил этот проект и распорядился начать подготовку экспедиции. Однако во главе ее он поставил не де Гамбоа, а своего 25-летнего племянника Альваро Менданью де Нейра. Де Гамбоа был включен в состав экспедиции. Для экспедиции Гарсия де Кастро выделил два корабля — «Лос-Рейес» и «Тодос Сантос», переименованные в «Капитан» и «Альмира́та».

Менданье предписывалось создавать колонии на открываемых землях и «обращать всех язычников в христианство».

Следует сказать, что такое объяснение испанцами причин колониальных захватов было традиционным. Свои кровавые злодеяния конкистадоры оправдывали «священным ужасом, внушаемым идолопоклонством», а приобретение земель — желанием наставить на путь истинный «диких туземцев».

Экспедиция началась 19 ноября 1567 г. В ней участвовало 150 человек. Почти два месяца шли корабли, не видя земли. Запасы воды и пищи подходили к концу. Команда роптала. Наконец, 15 января 1568 г. показалась земля. Вероятно, это был один из островов, входящих в группу островов Эллис. Скалистая земля выглядела такой безжизненной и бесплодной, что решили не высаживаться.

Спустя еще 17 дней плавания сразу оба корабля наскочили на рифы. Однако вскоре корабли подхватил сильный ветер, который снял их с рифов и носил шесть дней по бушующим волнам. На седьмой день погода прояснилась и измученные испанцы увидели перед собой долгожданную землю. Это случилось 7 февраля 1568 г. Менданья назвал обнаруженную землю Санта-Исабель в честь святой — покровительницы их экспедиции. Сначала Менданья думал, что открыл неизвестный континент, но Санта-Исабель оказался островом.

Испанские корабли сразу окружили каноэ аборигенов. Встреча была дружеской. Испанцев приветствовал местный вождь Билебанара. Один из участников экспедиции, описывая впоследствии внешность вождя, отмечал, что «его головной убор был сделан из множества белых и цветных перьев, на запястья были надеты очень белые костяные браслеты, выглядевшие алебастровыми, а на шею — маленький щит, который они называли такотоко; лицо его было ярко раскрашено... Он попросил шапку, предлагая за нее один из своих браслетов. Произведенный обмен был ему, очевидно, приятен... Он и его индейцы начали танцевать. Подобного представления мы никогда не видели. Генерал предложил ему сесть и спросил, как на его языке называются солнце, луна, небо, а также разные вещи. И вождь назвал их. Мы быстро усваивали их язык, а они наш... Они старались запомнить наши слова...»

Однако эти идиллические картины очень скоро сменились кровавыми сценами.

Жестокость де Гамбоа, посланного во главе испанского отряда на остров за продовольствием, привела к стычкам. Отношения ухудшились. Надо сказать, испанцы, как только поняли, что никаких богатств на острове нет, сразу утратили интерес к аборигенам.

Чтобы обследовать остров, испанцы построили бригантину «Сантьяго». На этом судне они не только изучили береговую линию, но и открыли еще один остров неподалеку от Санта-Исабель. Этот остров оказался значительно крупнее. Один из испанцев предложил назвать его Гуадалканал в честь родной деревни.

Испанцы попытались высадиться на берег, но аборигены встретили их столь враждебно, что путешественники сочли за лучшее вернуться на Санта-Исабель. После этого уже вся экспедиция отправилась на Гуадалканал.

Здесь испанцы вели себя точно так же, как на Санта-Исабель: силой отнимали продовольствие у аборигенов, жгли деревни, отгоняя их обитателей в глубь острова. 13 июня Менданья отдал приказ покинуть Гуадалканал.

После семидневного плавания корабли достигли большого острова. Испанцы назвали его Сан-Кристобаль. Пришельцы и здесь стали силой отбирать продовольствие у островитян, вступая с ними в кровопролитные столкновения. В течение всего времени пребывания испанцев на Сан-Кристобале не прекращались стычки с местными жителями. Многие солдаты и матросы заболели. Испанцы впали в уныние. К тому же нигде они не находили ни золота, ни других драгоценных металлов. Никто не хотел больше оставаться здесь, и Менданья отдал приказ возвращаться. 11 августа 1568 г. корабли покинули остров, взяв курс к берегам Америки.

Обратный путь был тяжел и опасен, лишь 19 декабря показался американский берег.

Как ни старался Менданья представить свою экспедицию успешной, как ни расписывал блестящие перспективы колонизации открытых им островов, где, по его словам, находились несметные богатства, которые можно было сравнить лишь с сокровищами легендарного царя Соломона, испанские власти весьма прохладно отнеслись к рассказам капитана.

«По моему мнению, — сообщал один из чиновников испанской колониальной администрации в Южной Аме-

рике в письме королю, — они (открытые острова. — К. М.) не имеют большого значения, хотя они (Менданья и его спутники. — К. М.) говорят, что земля там богата; во время своего путешествия они не обнаружили ни специй, ни золота и серебра, ни товаров, ни какого-либо другого источника дохода, а все местные жители — дикари».

Тем не менее за открытыми Менданьей островами утвердилось название Соломоновых. В отчете о плавании де Гамбоа писал уже о «Западных островах в южной части Тихого океана, обычно называемых островами Соломона».

Несмотря на то что у Менданьи теперь не было такой поддержки, как до экспедиции (его дядя покинул пост вице-короля Перу, а преемник не жаловал капитана), он получил в 1574 г. королевский приказ организовать новую экспедицию к Соломоновым островам и взять с собой кроме 500 человек еще коров, лошадей, свиней, овец. Менданье предписывалось создать на островах три укрепленных поселения. Ему был пожалован титул маркиза, передавалась неограниченная власть над колонией, право чеканить золотую и серебряную монету (которое оставалось за его семьей в течение двух поколений).

В другом королевском послании, от 25 мая 1575 г., Менданье приказывалось произвести наблюдения за затмениями Луны, которые ожидалось 26 сентября 1575 г. и 15 сентября 1578 г., с целью определить координаты Соломоновых островов и нанести их на карту.

Первый приказ не был выполнен. Менданья смог выйти из Севильи лишь в середине 1576 г. и потому достиг берегов Панамы в январе 1577 г. Там же его вследствие интриг колониальной администрации неожиданно арестовали. Экспедиция сорвалась.

В новом королевском послании Менданье, который именовался теперь губернатором Соломоновых островов, приказывалось идти к архипелагу и уточнить его местоположение, проведя наблюдение за лунным затмением в 1581 г. Но и на этот раз чины колониальной администрации помешали осуществлению экспедиции. Лишь в 1590 г. вице-король Гарсия де Мендоса счел возможным разрешить подготовку к экспедиции. Прошло, однако, еще пять лет, прежде чем она началась.

Почти за тридцать лет, прошедших со времени пер-

вого плавания Менданти к Соломоновым островам положение Испании в Тихом океане изменилось. Англия все настойчивее стремилась проникнуть в это, как говорили тогда в пиренейской монархии, «испанское озеро», подорвать господство Испании в Тихом океане.

Еще в начале 30-х годов XVI в. Роберт Торн и Роджер Бэрлоу выступили с «Декларацией об Индиях», в которой утверждали, что из Англии можно войти в Тихий океан северным путем через Анианский пролив, отделявший Америку от Азии. И если затем спустаться на юг, то встретятся богатейшие в мире острова и королевства, где в изобилии все «драгоценные предметы, высоко ценимые нами, которые сейчас доставляются из неведомых стран».

«Декларация об Индиях» была представлена британскому королю Генриху VIII в 1540 г., но внимания к себе не привлекла. Интерес к ней возник лишь спустя сорок лет, в царствование дочери Генриха — королевы Елизаветы.

Англичане с самого начала не признавали претензии Испании на морское господство, провозглашая принцип свободы морей для всех народов. «Открытый океан, — писал один из английских авторов того времени, — принадлежит одному Богу и природой предоставлен в пользование всем людям, поскольку он вполне достаточен для пользования всеми людьми во всех их предприятиях». А Роберт Торн в царствование Генриха VIII провозгласил девизом эпохи: «Ни земли без населения, ни моря без навигации».

В первой половине XVI в. Англия еще не могла соперничать с Испанией на море и до поры до времени мирилась с ее господствующим положением, но с начала 70-х годов она уже бросила открытый вызов пиренейской монархии. 24 мая 1572 г. английский капитан Фрэнсис Дрейк начал первую в истории британского флота экспедицию к «Сокровищнице мира», как тогда называли Панаму, куда доставлялись драгоценности, добываемые в рудниках Перу, для дальнейшей транспортировки их в Севилью. Экспедиция Дрейка закончилась успешно. Вслед за ней Дрейк предпринял новую экспедицию к американским берегам. Это было знаменитое кругосветное плавание, длившееся с 15 ноября 1577 г. по 26 сентября 1580 г. Дрейк безжалостно гра-

бил и сжигал испанские города на тихоокеанском побережье Южной Америки, захватывал испанские суда с богатейшими грузами в водах Тихого океана, этого «испанского озера», проникновения в которое британцев испанцы просто не допускали.

Привезенное Дрейком богатство послужило основой для последующей экспансии Англии в заморских странах. «Конечно, — пишет английский экономист Д. Кейнс, — богатства, привезенные Дрейком, вполне можно считать основой британских иностранных инвестиций. Елизавета за счет их смогла погасить весь свой иностранный долг и еще часть денег вложить в Левантийскую компанию; большие же доходы, получавшиеся Левантийской компанией, дали возможность создать Ост-Индскую компанию, на доходах от которой на протяжении XVII—XVIII вв. основывалось развитие английских внешних связей и т. д.»

В сравнении с Испанией Англия того времени была бедной страной. «Доход одной Севильи, — говорил в 1578 г. государственному казначею Англии Уолтеру Милдмею богатый купец Антонио де Гуарас, проживавший в Лондоне и неоднократно представлявший Испанию при английском дворе, — много больше, чем все доходы английской короны». Полученные богатства придали Елизавете большую уверенность в отношениях с Филиппом. Теперь военный спор с могущественной Испанией казался ей уж не таким невозможным.

Решив раз и навсегда расправиться с Англией, Филипп II в мае 1588 г. послал к ее берегам гигантскую эскадру, в состав которой входили 134 корабля, в том числе 33 громадных боевых галиота, имевших на борту 8 тыс. матросов и 18 тыс. солдат. «Непобедимой армаде» противостояло 90 британских кораблей, и только 19 из них были судами королевского военного флота, остальные же принадлежали частным лицам, главным образом, купцам. Тем не менее предприятие Филиппа окончилось провалом. Корабли «Непобедимой армады» в большинстве своем погибли. В испанские порты вернулось лишь 50 судов. Погибло не менее 20 тыс. матросов и солдат. Потери английского флота были незначительны. Не был потоплен ни один корабль, число убитых не превышало 100 человек.

Разгром «Непобедимой армады» был тяжелым уда-

ром для Испании. Но он не сломил ее мощи. Испания оставалась сильной державой, обладавшей обширными колониями, многочисленным флотом. Полученные уроки войны с Англией заставили Филиппа усовершенствовать флот, усилить защиту своих владений в Америке. Там, где еще недавно Дрейк с небольшим отрядом храбрецов одерживал удивительные победы — в Номбре-де-Диос, Картахене и т. д., были построены новые оборонительные сооружения, усилены гарнизоны. Испанский флот получил маневренные, быстроходные и хорошо вооруженные суда. Их конструктор — Педро Менендес Маркес, сын знаменитого испанского адмирала, создателя конвоев для сопровождения «золотого флота». Педро Менендес сконструировал новый тип судна, сочетавший в себе свойства галеры и фрегата. Он вытянут по килю, имеет небольшую осадку и вооружен 20 пушками. Теперь сокровища грузились в Гаване прямо на эти суда, и они шли в Испанию без конвоя. Корабли нового типа были быстроходнее английских судов и в случае нападения могли уйти.

Но это не остановило британских корсаров, которые к концу XVI в. весьма активизировались на морских просторах. Так, Томас Кавендиш вернулся из кругосветного плавания с огромными богатствами. Лондонский купец Джон Уатт на своих кораблях подстерег у Юкатана и захватил два испанских галиона из «золотого флота» с богатейшим грузом. Богатую добычу привез граф Камберлендский из экспедиции к Азорским островам. В 1589—1591 гг. 236 английских кораблей бродили по морям в поисках добычи. Было захвачено 300 судов. Стоимость награбленного в десять раз превышала стоимость английского импорта.

В 1592 г. Кросс и Бороу в районе Азорских островов захватили огромную португальскую караку водоизмещением 1500 т, шедшую из Ост-Индии с ценнейшим грузом: драгоценными камнями, золотом, шелками и специями. Такой «приз» никому еще не доставался на протяжении столетия.

Усилившаяся британская активность на морях заставила испанское правительство поторопиться с захватом Тихоокеанских островов и разрешить наконец Менданье столь долго ожидаемое им плавание.

Свое второе плавание к Соломоновым островам Мен-

данья начинал уже немолодым человеком. Ему было 53 года.

В плавании его сопровождали жена — донна Исабель Баррето и три ее брата. Донна Исабель, молодая женщина 20 лет, имела характер деспотический и тщеславный, она была горда сознанием, что она жена аделантадо, т. е. губернатора. Одного из ее братьев, дон Лоренсо Баррето, Менданья назначил капитаном флагманского корабля экспедиции «Сан-Хиронимо». Клан Баррето занял сильные позиции в экспедиции, особенно если учесть мягкий, податливый характер Менданьи.

9 апреля 1595 г. экспедиция отправилась в плавание, покинув Кальяо, порт Лимы, столицы Перу, называвшейся в те времена Городом Королей. Плавание совершалось на четырех судах, в состав экспедиции входило 378 матросов и солдат с женами и детьми. Католическую церковь представляли три священника-францисканца. Командиром отряда солдат был полковник Педро Мерино Манрике, храбрый, опытный солдат, но человек грубый и вздорный.

Главным штурманом экспедиции был Педро Фернандес де Кирос. Он родился в Португалии в 1565 г., за год до первой экспедиции Менданьи. В 1580 г., когда Филипп II объединил под одним скипетром Испанию и Португалию, пятнадцатилетний Кирос стал подданным испанского монарха. В 1589 г. он женился. К этому времени он уже несколько лет провел на море. На следующий год, когда Кирос и его жена находились в Перу, у них родился сын Франсиско, дочь же Херонима родилась в 1595 г., через несколько месяцев после начала второй экспедиции Менданьи.

Уже в первые дни плавания Кирос понял, что попал в тяжелое положение. Нелады между полковником Манрике и донной Исабель возникли сразу же после отплытия из Кальяо. Каждый из них претендовал на руководящую роль в экспедиции и требовал выполнения своих распоряжений. Кирос хотел даже отказаться от участия в плавании. Единственно, что заставило его остаться, было глубокое уважение к Менданье. Подробности о второй экспедиции Менданьи мы узнаем из отчета Кироса, продиктованного им своему секретарю 12 лет спустя.

Выйдя из Кальяо, Менданья еще некоторое время

вел корабли на север вдоль южноамериканского побережья к порту Пайта, стараясь пополнить запасы воды и продовольствия. В порту Черрепе произошло событие, оставившее неприятный осадок у экипажей всех судов. В порту стояло судно, груженное мукой, сахаром и другими товарами. Корабль этот очень понравился командиру одного из судов экспедиции, Лопе де Вега, и его офицерам. Лопе де Вега только что, в Черрепе, стал родственником Менданьи, женившись на сестре его жены Марианне. Менданья дал ему чин адмирала. Надо сказать, что женитьба Лопе де Веги была не единственным матримониальным актом в экспедиции. Свадьбы совершались часто. Ведь среди участников экспедиции были не только матросы и солдаты, но и будущие колонисты, люди, искавшие счастья во вновь открываемых землях. В экспедицию отправились и целые семьи с многочисленными детьми, и вдовы, и незамужние женщины. За время плавания было отпраздновано полтора десятка свадеб.

Зная, что Менданья не согласится на обмен, считая корабль Лопе де Вега вполне пригодным для плавания, тот решил вынудить Менданью сделать это. Лопе де Вега приказал сделать шесть пробоин в днище своего судна и сообщил Менданье, что его корабль не может продолжать плавание вследствие сильной течи. Прибывший на судно Менданья убедился в его непригодности и согласился на его обмен. Стоимость забираемого судна на 6,6 тыс. песо превышала стоимость корабля Лопе де Веги. Полковник Манрике с группой солдат был послан на корабль и начал его разгрузку. Половина груза на судне принадлежала священнику, который находился на его борту. Он требовал прекратить «беззаконие и разбой», но его никто не слушал. Более того, один солдат ударил его и пригрозил сбросить за борт. Тогда священник очень громко и торжественно заявил, что он молит бога, чтобы этому кораблю никогда не было удачи, если он будет все-таки разгружен. Как ни были жестоки и грубы люди Менданьи, но проклятье священнослужителя запало им в душу.

Общая атмосфера на судах экспедиции все ухудшалась из-за усиливавшейся распри между Манрике и Менданьей. Очень напряженными были отношения Манрике с Киросом, хотя последний всячески старался избе-

гать сбор. Когда корабли экспедиции сделали свою последнюю остановку у южноамериканского побережья в порту Пайта, Кирос заявил, что отказывается от дальнейшего участия в плавании. Но Менданье удалось уговорить его остаться. С тяжелым сердцем Кирос согласился. Он видел, что измотанный многолетними мучительными хлопотами по организации экспедиции, подорвавшими его здоровье, окруженный алчной родней, Менданья не сумел установить на судах твердую дисциплину, заставить экипажи повиноваться своей воле. Экспедиция была плохо подготовлена к предстоящему нелегкому плаванию. Не было запасено даже необходимого количества воды и продовольствия. Когда Кирос обратил на это внимание Менданьи, тот ответил, что все обойдется. Он был глубоко уверен, что легко и быстро приведет свои корабли к Соломоновым островам.

16 июня 1595 г. корабли покинули порт Пайта, взяв курс на юго-запад. Менданья с женой, ее сестрой и братьями находился на борту «Сан-Хиронимо»; обмененным кораблем, названным как и прежний — «Санта-Исабель», командовал Лопе де Вега; галиотом «Сан-Фелипе» — Фелипе Корсо; фрегатом «Санта-Каталина» — Алонсо де Лейва. Кирос находился на одном корабле с Менданьей.

Более месяца шли корабли не встречая земли. Но вот наконец 21 июля в 5 часов пополудни в 10 лигах от кораблей мореплаватели увидели остров. Менданья назвал его Санта-Магдалина, поскольку следующий день был праздником в честь именно этой святой.

Менданья, уверенный, что достиг Соломоновых островов, распорядился собрать экипаж на молитву. Викарий и капеллан запели «Te Deum laudamus»², подхваченную всеми с большим воодушевлением. На следующий день корабли подошли к самому острову. Он казался необитаемым, но неожиданно появилось семьдесят небольших каноэ, почти одного размера. В каноэ находилось от 3 до 10 человек — всего около 400. Это были хорошо сложенные, длинноволосые, красивые люди с почти светлой кожей, покрытой татуировкой, совершенно голые. Среди аборигенов было много детей, поразивших испанцев своей красотой. В своих записках

---

² Тебя, боже, хвалим (лат.).

Кирос с восторгом замечал: «Среди них был мальчик лет десяти... с внешностью ангела...»

Аборигены быстро подошли к испанским судам. Они что-то кричали, указывая на остров. В лодках у них были кокосовые орехи, какая-то еда, завернутая в листья, бананы и бамбуковые трубки с водой. На борт испанских судов аборигены подняться не решались. Наконец один из них появился на палубе «Сан-Хирони-мо». Менданья распорядился надеть на него рубашу и шляпу. Когда сидевшие в лодке аборигены увидели своего товарища, одетого таким образом, они покатались со смеху. Страхи их прошли. Теперь уже около сорока человек поднялось на корабль. Все увиденное вызывало у них величайшее изумление. Они изучали одежду испанцев, хватали оружие и все предметы, попадавшие им на глаза, и скоро изрядно надоели испанцам. Менданья приказал выстрелить из орудия. Это так испугало аборигенов, что они попрыгали с борта корабля в воду и поплыли к своим каноэ. Один из аборигенов хотел остаться, но товарищи уволокли его с корабля. Покидая корабль, аборигены привязали веревку к бугшпригу³, полагая, что сумеют оттащить корабль к берегу.

Приветливость аборигенов сменилась острой враждебностью. Они начали забрасывать испанский корабль камнями, ранив при этом одного солдата. Тогда солдаты принялись стрелять из мушкетов. Один из аборигенов был убит, восемь ранено. Так состоялось первое знакомство испанцев с жителями неизвестной земли, ибо Менданья понял, что привел корабли не к Соломоновым островам, а открыл новый архипелаг. Неподалеку от острова, у которого находились испанцы, были видны еще три. Менданья назвал их островами Сан-Педро, Доминико, Санта-Кристина. Всю группу он назвал островами Маркиза де Мендосы, в честь вице-короля Перу.

На следующий день Менданья послал полковника Манрике с двадцатью солдатами к острову Санта-Кристина. Они должны были найти подходящее место для стоянки судов и пополнить запасы пресной воды. Когда испанцы подходили к острову, их окружили каноэ. Хотя аборигены и не обнаруживали никаких признаков враж-

---

³ Б у г ш п р и т — горизонтальная или наклонная мачта, выставленная вперед с носа корабля.

дебности, Манрике приказал на всякий случай стрелять в них, что немедленно было выполнено с холодной жестокостью. Спасаясь от выстрелов, один из аборигенов с ребенком на руках прыгнул в воду, но оба были убиты одним выстрелом. Манрике со своими людьми вернулся на корабль, так и не найдя удобной гавани и источника пресной воды.

На следующий день экспедиция на Санта-Кристину повторилась. На этот раз испанцы высадились на острове. Они окружили деревню и знаками стали объяснять жителям, что им нужна вода. Аборигены держались приветливо, дали испанцам кокосовых орехов. Солдаты, заметив, что местные женщины весьма привлекательны, начали их одаривать различными подарками, стремясь завоевать их расположение. Полковник Манрике дал аборигенам кувшины, с тем чтобы они принесли воды. Аборигены бросились бежать, а испанцы, решив, что те хотят украсть кувшины, не долго думая, открыли по ним огонь. И опять экспедиция закончилась неудачно.

Тем временем, не дожидаясь возвращения Манрике, Менданья решил идти в ту бухту, где посланный им отряд высадился на берег, полагая, что она достаточно удобна для стоянки судов. И тут чуть не произошла трагедия. Когда «Сан-Хиронимо» шел к острову, ветер неожиданно стих, волна подхватила корабль и понесла его к прибрежной скале. Гибель судна казалась неизбежной, но внезапно подул бриз, матросы мгновенно поставили паруса, «Сан-Хиронимо» остановился недалеко от роковой скалы и пошел вдоль побережья. Манрике сообщил Менданье, что намеченная им для стоянки бухта очень плоха. В ней много опасных подводных скал. Тогда Менданья заявил, что не хочет терять времени на поиски подходящей гавани на открытом архипелаге, а намерен немедленно плыть на «свои» Соломоновы острова. Пресной воды, имевшейся на борту кораблей, по его мнению, должно было хватить на это плавание. Кирос же настаивал на продолжении поисков удобной бухты на Санта-Кристине и обеспечении экспедиции водой до возобновления плавания в неизвестных морях.

— Но что мы будем делать, если не найдем здесь подходящей гавани? — спросил Менданья.

— Мы можем вернуться на остров Магдалины, — ответил Кирос.

Но вскоре пришло известие от Манрике, посланного искать другую бухту на острове, что такая нашлась. Менданья повел туда корабли.

На следующий день, 28 июля, Менданья в сопровождении жены и большей части экипажа, сошел на берег. Викарий начал служить мессу. Собравшиеся невдалеке жители острова следили за действиями испанцев с большим вниманием и старались имитировать их движения. После мессы Менданья от имени испанского монарха провозгласил все четыре острова собственностью Испании, а затем отправился в деревню и приказал посеять там семена маиса в присутствии местных жителей. Покончив с этим делом, Менданья вернулся на «Сан-Хиронимо». Полковник Манрике с солдатами остался на берегу. Вскоре между солдатами возникла ссора. Аборигены, увидя это, начали бросать в солдат дротики и камни, ранив при этом одного солдата в ногу. Испугавшись, что солдаты будут мстить за своего товарища, они вместе с женами и детьми убежали в лес. Солдаты открыли огонь и бросились преследовать аборигенов, но те успели скрыться среди холмов. Оттуда раздавались их воинственные крики, многократно повторявшиеся и усиливавшиеся эхом. Аборигены думали таким образом напугать испанцев.

Полковник Манрике оставил солдат на берегу для охраны расположившихся там на отдых женщин и матросов, занятых пополнением запасов дров и пресной воды.

Но аборигены и не думали нападать на пришельцев. На следующий день они пришли к лагерю испанцев, всячески демонстрируя свои мирные намерения. Они принесли испанцам еду. Испанцы в свою очередь встретили аборигенов дружески. Казалось, что наконец наступил мир и взаимопонимание между столь разными людьми. Но это была лишь иллюзия.

Испанцы не доверяли аборигенам и все время ждали от них каких-либо козней. Дружественные действия аборигенов испанцы воспринимали лишь как уловку, чтобы притупить их бдительность. Поэтому, когда на другой день два каноэ с аборигенами приблизились к кораблям и аборигены стали показывать испанцам зерна какао, последовал приказ не отвечать и зарядить мушкеты. Не получив ответа, аборигены подошли ближе

к судам. Испанцы открыли огонь, убив пятерых из них. Оставшиеся в живых бросились в воду и поплыли к берегу. Испанцы преследовали их на шлюпке. Лишь троим удалось достичь берега и скрыться в лесу. Испанцы захватили каноэ с тремя убитыми аборигенами. Тела их повесили на берегу для устрашения местных жителей.

Кирос глубоко переживал бессмысленную жестокость испанцев. Спустя много лет, в своих воспоминаниях о плавании он с горечью писал: «Как говорили, это делалось для того, чтобы туземцы, если они подойдут на своих каноэ с нечестными намерениями, знали бы, что могут сделать испанцы. Но мне казалось, что четверем вооруженным кораблям едва ли стоило бояться невооруженных туземцев в их каноэ».

Испанцы были в восторге от открытых островов. Покрытые пышной растительностью, с великолепными бухтами, песчаными берегами, ручьями с кристально чистой водой, сбегавшими с холмов, обилием деревьев, они манили остаться там навсегда. Менданья намеревался создать испанскую колонию на Санта-Кристине, поселив на острове 30 человек. Но никто не захотел остаться на острове, несмотря на всю его чарующую привлекательность. Испанцы боялись мести аборигенов. Ведь за то малое время, которое они провели на Маркизских островах, ими было убито 200 местных жителей.

5 августа испанские корабли покинули Санта-Кристину, взяв курс на юго-запад. Менданья был уверен, что через три-четыре дня плавания он увидит Соломоновы острова. Но дни шли за днями, а никакой земли не было видно. Запасы воды и пищи быстро иссякали. Настроение экипажей, особенно солдат, не занятых никаким делом, портилось. Наконец в воскресенье 20 августа с кораблей увидели четыре маленьких плоских песчаных островка. Они располагались очень близко друг к другу. Менданья назвал их все именем Сан-Бернардо (это острова атолла Пукапука на севере архипелага Кука), ибо открыты они были в день святого Бернардо. Менданья не остановился у этих островов, продолжая путь на запад.

Через 9 дней испанцы увидели низкий круглый остров, подступы к которому преграждали рифы. Менданья назвал его Солитарио (Нуракита на юге островов Тувалу). Он приказал галиоту и фрегату подойти ближе к

острову и найти удобную гавань для стоянки всей эскадры, с тем чтобы пополнить запасы дров и воды на судах. Но обследование подходов к Солитарио показало, что приближаться к нему весьма опасно из-за многочисленных подводных скал. Менданья приказал продолжать плавание.

На судах росло недовольство. Уже открыто говорили о том, что экспедиция закончится неудачей, что Менданья не может найти Соломоновы острова, что скоро их ждет неизбежная смерть от голода. Действительно, запасы пищи, воды и дров на судах подходили к концу. Прибывший на борт флагмана капитан Лопе де Вега сказал Менданье, что уже начал жечь ящики и другие предметы на своем судне. Он жаловался и на нехватку пресной воды. Но Менданья не мог дать ему ни топлива, ни питьевой воды, а лишь успокаивал, что теперь осталось уже немного, ибо корабли скоро подойдут к Соломоновым островам.

7 сентября корабли попали в густой туман. Галиот и фрегат были посланы вперед разведать путь, эскадра шла с величайшими предосторожностями, сообщаясь друг с другом световыми сигналами. Когда к полуночи туман немного рассеялся, испанцы увидели впереди землю примерно на расстоянии одной лиги. На рассвете Менданья обнаружил, что «Санта-Исабель» исчезла. Поиски корабля не дали никаких результатов. Судьба судна так и осталась неизвестной.

Потеря прекрасного корабля была невосполнима для экспедиции, находившейся вдали от южноамериканских берегов. Менданья был глубоко угнетен этим, но предаваться печальным раздумьям было некогда. Следовало прежде всего узнать, что за землю они обнаружили.

Менданья послал фрегат на поиски пропавшего судна, а остальным кораблям приказал подойти ближе к острову. Вскоре показалось более 50 каноэ. Находившиеся на них люди что-то кричали и размахивали руками. Когда каноэ приблизились к кораблю, испанцы увидели, что находившиеся в них люди сильно отличались от жителей Маркизских островов. Кожа их была намного темнее, почти черная, волосы курчавые. Они были вооружены луками, дротиками и тяжелыми деревянными дубинками. Менданье они показались похожими на

жителей Соломоновых островов. Но когда он сказал несколько слов на языке аборигенов Соломоновых островов, они его не поняли.

Островитяне с большим любопытством разглядывали испанские корабли, не решаясь взойти на них. Прошло некоторое время, и островитяне, посоветовавшись между собой, вдруг подняли луки и выпустили стрелы в корабельные паруса. Вреда причинено не было, но солдаты приготовили мушкеты к стрельбе и открыли огонь. Несколько аборигенов было убито, многие ранены. В страхе они поплыли к берегу, но посланная шлюпка с солдатами догнала их и еще несколько островитян погибло от испанских пуль. Те немногие, кому удалось достичь берега, поспешили скрыться в лесу.

С возвратившегося фрегата сообщили, что никаких следов «Санта-Исабель» не обнаружено, а подходы к острову очень опасны из-за многочисленных рифов. Менданья приказал встать на якорь, не приближаясь к берегу. На следующий день он на галиоте, а Кирос на фрегате все-таки отправились искать удобную бухту для стоянки судов.

Кирос вскоре облюбовал небольшой залив, на берегу которого расположилась деревня. Вблизи виднелись лес и река. Менданья же вернулся, не найдя ничего подходящего. Было решено отправиться в обнаруженный Киросом залив. Как только корабли бросили якорь в заливе, на берег отправились сержант с 12 солдатами для обеспечения безопасности высадки. Аборигены встретили испанцев враждебно, осыпали их стрелами. Менданья решил здесь не высаживаться. На следующий день он обнаружил великолепную гавань, хорошо защищенную от ветров. На берегу также расположилась деревня и протекала речка. Однако корабли направились туда и встали на якорь. Всю ночь испанцы слышали музыку и пение жителей деревни.

Наутро многие из аборигенов на каноэ подплыли к испанским судам. У большинства из них волосы были украшены красивыми цветами. Испанцы приглашали их взойти на корабли, оставив оружие в каноэ. Среди тех, кто поднялся на борт, был очень красивый человек, головной убор которого украшали голубые, желтые и красные перья. Он шел в сопровождении двух аборигенов весьма представительной внешности. Остальные

аборигены выказывали ему большое почтение. Подойдя к испанцам, этот человек знаками спросил, кто вождь испанцев. Менданья вышел вперед и протянул ему руку, давая понять, что он главный у пришельцев. Тогда величественный абориген, показывая рукой на себя, сказал: «Малопе». Менданья назвал себя. Малопе понял и объявил, что теперь он — Менданья, а Менданья — Малопе. После этого Малопе сказал, что он вождь. Менданья вручил ему рубашку и несколько дешевых безделушек. Другим аборигенам испанцы подарили гребни, маленькие колокольчики, стеклянные шарики, кое-что из одежды и даже игральные карты, которые те повесили на шеи.

Испанцы научили аборигенов слову «друг» и креститься на католический манер. Они показали аборигенам зеркала, бритвы, ножницы. Все эти предметы вызвали восторг у островитян.

Так продолжалось четыре дня. Аборигены приходили и уходили, приносили еду. Малопе ежедневно бывал на флагманском корабле. Так было и на пятый день пребывания испанцев. Около пятидесяти каноэ поджидали Малопе у «Сан-Хиронимо». Один из солдат на борту корабля неожиданно поднял мушкет и прицелился в аборигенов. Те поспешили скрыться. Испанцы преследовали их до самого берега. На берегу их встретила большая толпа островитян, очень приветливо отнесшаяся к испанцам. Последние были крайне разочарованы миролюбивым настроением аборигенов, им хотелось, чтобы те выказали какую-либо враждебность, дав повод стрелять. Кирос впоследствии так и писал: «Солдаты были разочарованы миролюбием аборигенов, они хотели бы иного — какого-нибудь повода нарушить мир и начать войну».

Тем не менее, когда наступила ночь, испанцы увидели, что на берегу горят огромные костры. Это означало войну. Было замечено, что каноэ быстро плыли вдоль побережья от одной деревни к другой, как бы о чем-то сообщая или предупреждая.

Утром с галиота была послана к берегу шлюпка с солдатами за водой. Когда она подошла к берегу, аборигены громко закричали и выстрелили из луков, ранив троих испанцев. Испанцы легли на дно шлюпки, спасаясь от стрел. Менданья тут же послал полковника Маң-

рике с 30 солдатами на берег. Солдаты убили пятерых островитян, сожгли несколько домов и лодок, срубили пальмы и вернулись на корабль.

На следующий день, на рассвете, Менданья, все время думавший о судьбе пропавшего судна «Санта-Исабель», послал на его поиски фрегат с двадцатью матросами и солдатами под командой дона Лоренсо. Последнему поручалось обойти вокруг острова и наряду с поисками исчезнувшего корабля присмотреть другую удобную гавань. Одновременно Менданья приказал Манрике с 40 солдатами отправиться на берег и еще раз проучить жителей за нападение на испанских солдат. Солдаты незаметно подошли к деревне, блокировали все выходы из нее, окружили дома и начали их сжигать вместе с находившимися в них людьми. Несмотря на неожиданность нападения, островитяне не растерялись и оказали испанцам мужественное сопротивление. Шестеро аборигенов было убито, многие тяжело ранены. Подобрав раненых, аборигены скрылись в лесу. Манрике возвратился на корабль, имея семерых раненых.

Пополудни на берег пришел Малопе. Он звал Менданью и показывал знаками, что это не его люди стреляли в испанцев, а жители враждебных ему деревень, расположенных на другом берегу залива. Менданья пригласил его на корабль, но Малопе ушел и вернулся лишь на следующий день. Мир был восстановлен.

Еще через день вернулся дон Лоренсо. «Санта-Исабель» он не обнаружил, но зато нашел подходящую гавань и, кроме того, видел неподалеку еще несколько островов. Менданья приказал кораблям плыть к обнаруженной доном Лоренсо гавани.

На следующее утро после прибытия в новый залив испанцы увидели на берегу около 500 островитян, выказывавших явно враждебные намерения. Аборигены начали стрелять из луков и бросать в испанские суда камни, а видя, что те не достигают цели, вошли в воду и поплыли к кораблям. Испанцы открыли огонь, убив пятерых и многих ранив. Островитяне поспешили к берегу и скрылись в чаще леса.

Дон Лоренсо хоть и не получил приказа, с 15 солдатами последовал за островитянами на берег. Видя это, полковник Манрике вскипел от негодования, почувств-

вовав себя ущемленным в правах на командование всеми солдатами экспедиции, и бросился вслед во главе 30 солдат. При этом он нещадно ругал дона Лоренсо и клялся ему отомстить. Донна Исабель, свидетельница этой сцены, заявила Манрике, что ее брат не нуждается ни в чьих указаниях и волен действовать самостоятельно. Манрике попытался что-то отвечать, но донна Исабель резко его оборвала. Разгневанный Манрике отправился с солдатами на остров и не вернулся к наступлению темноты, оставшись ночевать в деревне.

Ночь прошла спокойно. Утром Манрике приказал солдатам расчистить участок у ручья и разбить там лагерь. Группе солдат не понравилось выбранное Манрике место, и они послали своих представителей к Менданье с просьбой распорядиться использовать для размещения людей деревню, где уже есть дома и вообще место обжито. Другие солдаты, согласные с Манрике, тоже послали своего представителя к Менданье.

Менданья не согласился ни с одной из сторон и распорядился разбить лагерь у входа в залив. Место всем понравилось: оно напоминало Андалусию. Солдаты с большим воодушевлением принялись за работу, расчищая участок и сооружая жилища.

Менданья назвал открытый им остров Санта-Крус. Остров был невысок и покрыт лесом, земля плодородная, много птиц, рыбы, фруктов и съедобных корней, и совершенно без москитов, что приятно удивило испанцев. Местное население было многочисленно, жило в деревнях, в доброту построенных домах. Вокруг домов островитян росли красивые красные цветы.

Менданья оставался на корабле в ожидании окончания строительства дома для него. Делами на острове управлял Манрике. В поисках продовольствия солдаты группами по 12—15 человек заходили в деревни и возвращались нагруженные всем, что только можно было найти на острове. Островитяне и сами приносили в лагерь еду. И Малопе и его люди были весьма дружелюбно настроены. Казалось, что установился прочный мир. Островитяне даже, по просьбе дона Лоренсо, помогали строить дома в лагере. Менданья всячески старался поддерживать общий мир.

Но тем не менее опасность росла, надвигалась беда. Среди солдат распространилось недовольство, усиливав-

шееся с каждым днем. Они были раздражены решительно всем. То, что еще вчера им нравилось, сегодня возмущало. По их мнению, земля была бедна, место для поселения выбрано неудачно. В конце концов солдаты составили петицию к Менданье, в которой просили забрать их с острова и отправить в другое, лучшее место или поселить на тех островах, о которых он так много рассказывал (т. е. на Соломоновых).

Менданья был очень огорчен, прочитав послание. Он внимательно изучил подписи под ним. Понимая, что недовольство зашло слишком далеко, Менданья решил сойти на берег. Он обратился к одному из солдат, подписавших петицию: «Вы предводитель недовольных? Знаете ли вы, что подписать подобную бумагу — это почти мятеж?» Солдат на это ответил: «Там написана правда, и, если кто-нибудь скажет иное, это будет ложь». Тогда Менданья пообещал солдатам, что их заберут с острова и менее чем через тридцать дней доставят на лучший.

В поселении уже построили церковь. Каждый день викарий произносил душеспасительные проповеди, которые однако не действовали на солдат, все более и более озлоблявшихся. Ежедневно совершались убийства аборигенов. Солдаты явно провоцировали местных жителей на вооруженные выступления, чтобы заставить Менданью забрать их с острова. Опасные настроения среди испанцев росли, назревал мятеж, готовилась расправа над оставшимися верными Менданье людьми. Недовольные, а их становилось все больше и больше, жаждали вернуться в Перу. Когда Кирос вознамерился совершить плавание вокруг острова, он был предупрежден, что если сделает это, то не вернется.

Менданья с большой тревогой следил за настроением людей. Он приказал снять все паруса и строго их охранять. Здоровье его все более ухудшалось, дух слабел. Менданья медлил с принятием решительных мер, с наведением жесткой дисциплины, подавлением мятежных настроений.

Наконец Менданья решил поселиться на острове. Первое, что он увидел на берегу, была группа вооруженных солдат. Когда Менданья спросил, почему они вооружены, те ответили, что здесь идет война. В лагере Менданья долго говорил с Манрике, который уверял его

в полной лояльности, глубокой преданности, но подтвердил, что большинство солдат жаждут покинуть остров. Манрике рассказал, что минувшей ночью мятежные солдаты пытались убить людей, верных Менданье, но ему удалось воспрепятствовать этому.

Менданья, однако, не верил Манрике. Он был убежден, что тот ведет двойную игру. На острове Менданья почувствовал себя плохо и был доставлен назад на корабль.

Солдаты между тем все более наглели. Стреляли в Киросу, но, к счастью промахнулись. Викарий, продолжавший ежедневно произносить проповеди, вернувшись как-то на флагманское судно, где жил, пока ему не построили дом, сказал Киросу, что солдаты собираются их убить.

Кирос, видя физическую и духовную слабость Менданьи, решил действовать сам. Получив разрешение Менданьи, он отправился на берег.

На берегу Кирос встретил двух солдат, хорошо к нему относившихся. Те предупредили Киросу об опасности, которая ему угрожает в лагере, ибо солдаты крайне возмущены. Пока Кирос шел к лагерю, все больше и больше солдат окружало его. Они выражали недовольство островом, его бедностью, говорили, что отправились в далекие заморские земли лишь ради золота, серебра и драгоценных камней, а здесь ничего нет. Они кричали, что хотят вернуться в Перу или добраться до другого, лучшего острова.

Кирос возразил, что остров хорошо приспособлен для жизни людей, ибо земли здесь плодородные, прекрасные леса и реки, достаточно пищи. Потрудившись, колонисты создадут себе прекрасные условия существования. Солдаты в ответ кричали, что на это у них уйдет двадцать лет жизни, они успеют состариться, пока достигнут благополучия. «Вы должны помнить, — говорил им Кирос, — что все на нашей земле имело начало: на месте Севильи, Рима, Венеции и других городов были когда-то леса и голая равнина, и первым жителям стоило большого труда возвести их, чтобы потомки могли наслаждаться плодами их труда... Я понял вас: вы считаете, что работать должны другие, вы же хотите лишь отдыхать, а между тем трудиться должны все и кто-то должен быть первым».

Кирос прямо спросил солдат, собираются ли они восставать против Менданьи, выполнявшего волю короля. Те ответили, что не хотят, но просят снять их с острова и вернуть в Перу или поселить на другом, богатом острове.

Кирос терпеливо объяснил солдатам невозможность выполнения их просьбы. Прежде всего надо еще раз попытаться найти «Санта-Исабель». Без этого судна трудно продолжать экспедицию. Возвращаться сейчас в Перу нельзя из-за неблагоприятных ветров, да и корабли в плохом состоянии и требуют ремонта. Так что надо пока оставаться на острове. Возвращение в Перу привело бы к их общей гибели.

Некоторые солдаты согласились с доводами Кироса, но большинство продолжало требовать немедленного ухода с острова и, если невозможно вернуться в Перу, то плыть в Манилу, в «христианскую землю», как они выразились. Кирос возразил, заметив, что Манила огнюдь не христианская земля, а так же как и остров, на котором они находились, населена язычниками. Христиане там, как и здесь, лишь небольшая группа колонистов и охранявшие их солдаты. Но озлобившиеся солдаты уже не слушали Кироса и кричали, что кто хочет — пусть остается, а они намерены уйти с острова. Некоторые солдаты обнажили шпаги, угрожая Киросу. Но Кирос мужественно ответил, что все сказанное им есть воля короля, и он не изменит ей даже под страхом смерти. Манрике выступил в защиту Кироса и не допустил расправы над ним. Он решил сам отправиться на флагманский корабль и оправдаться перед Менданьей.

Манрике явился на борт «Сан-Хиронимо» один и без оружия. Видя это, донна Исабель подговаривала мужа убить его, пригрозив, что если он откажется, она сама сделает это. Но Менданья не допустил убийства Манрике на борту судна.

Манрике, возвратившись в лагерь, рассказал солдатам, что был хорошо принят Менданьей и тот обещал рассмотреть их просьбу об уходе с острова.

Кирос, вернувшись на корабль, сообщил о всем происшедшем Менданье и попросил разрешения отправиться на следующий день за провизией, ибо запасы ее сильно истощились.

Кирос в сопровождении 20 солдат отправился на шлюпке к одной из ближайших деревень, но в ней не оказалось ни жителей, ни еды. Вернувшись ни с чем на берег, Кирос встретил Малопе с его людьми на двух каноэ и попросил его помочь. Малопе весьма охотно принялся за дело. Они побывали в нескольких деревнях, и вскоре шлюпка была нагружена доверху. Однако сопровождавшим Кироса этого показалось мало. Они просили разрешить им силой взять у аборигенов побольше провизии, а заодно и поубивать «этих собак-язычников» и сжечь их жилища. Кирос убеждал их, что шлюпка забита едой, полученной бесплатно благодаря доброй воле их друга Малопе, но те твердили, что прибыли сюда из Перу не для того, чтобы ублажать туземцев. Однако, подчиняясь приказу Кироса, они направились к «Сан-Хиронимо».

Когда Кирос поднялся на борт корабля, донна Исабель сообщила ему, что Менданья стало известно о том, что из лагеря ушел отряд солдат с целью убить Малопе. Менданья немедленно приказал солдатам вернуться, не причиняя никакого ущерба Малопе. Сообщение донны Исабель очень встревожило Кироса.

Ночью Менданья призвал к себе Кироса.

С большой таинственностью Менданья сообщил ему о своем намерении утром сойти на берег в сопровождении верных ему матросов. Все они будут вооружены. Он захватит с собой королевский штандарт для суда над полковником Манрике за преступления, о которых он объявит в специальной прокламации.

Утром Менданья, сопровождаемый капитаном галиота Фелипе Корсо и Киросом, отправился на берег. Его встретили дон Лоренсо с братьями и несколько матросов. Все пошли в лагерь. Когда Менданья и его спутники подошли к дому Манрике, полковник завтракал. Он вышел навстречу Менданье, приветствуя его. Менданья обнажил шпагу и воскликнул: «Да здравствует король! Смерть предателям!» Один из матросов схватил Манрике за ворот и дважды сильно ударил его, а Корсо вонзил в него нож. Полковник упал замертво...

Братья Баррето с несколькими людьми бросились расправляться с мятежными солдатами. Произошло бы сильное кровопролитие, если б не мужество Кироса, вставшего со шпагой на их пути. Но все-таки еще один

человек был убит. Головы убитых выставили на всеобщее обозрение.

Когда прибыл викарий, все отправились в церковь на мессу. Закончив мессу, викарий призвал всех успокоиться и подчиняться приказам Менданьи. Но на паству обращение викария впечатления не произвело. Вернувшись с мессы, солдаты бросились делить имущество убитых.

Менданья распорядился сжечь тела убитых. К вечеру постепенно в лагере воцарилась тишина. Но ненадолго. Вскоре лагерь опять забурился. Вернулся один из солдат, ушедший с отрядом прошлой ночью из лагеря, о чем говорила донна Исабель Киросу. Он сообщил, что Малопе застрелен, причем без всякого повода: когда солдаты вошли в дом Малопе и потребовали еду, тот немедленно дал им все, что у него было, но один из испанцев поднял мушкет и выстрелил. Малопе упал замертво. К нему подошел другой солдат, говоря, что никогда еще они не делали «столь славной вещи». «Это не человеческое, а дьявольское дело, — писал впоследствии Кирос. — Малопе держал страну в мире и давал нам еду... его доброта была бесконечна».

Когда весь отряд вернулся в лагерь, убийцу Малопе отправили на борт флагманского судна, где он должен был ожидать приговора Менданьи. Офицер, командовавший отрядом, был убит по приказу дона Лоренсо, и его голова красовалась рядом с головой Манрике и солдата, убитого одновременно с ним. Остальных солдат отряда оставили в лагере закованными в кандалы. Кирос убеждал Менданью простить всех арестованных, включая и убийцу Малопе. По его мнению, следовало предотвратить дальнейшее кровопролитие, прекратить раздоры, столь опасные для экспедиции, находившейся в дальнем плавании. Аборигенам же, дабы удовлетворить их жажду мести, достаточно, считал он, показать три головы уже убитых испанцев.

Менданья внял совету Кироса, и больше никто из испанцев казнен не был. Но убийца Малопе, переживая позднее раскаяние, отказался от еды и питья и вскоре умер. «Этим закончилась трагедия на острове», — заключает Кирос соответствующий раздел в своих записках. Но из его же дальнейшего повествования следует, что окончилась лишь часть трагедии.

На следующий день испанцы услышали громкие горестные крики, раздававшиеся со стороны деревни, где находился дом Малопе. Менданья послал туда отряд солдат, захвативших с собой голову офицера, убитого доном Лоренсо. Они должны были показать аборигенам, что покарали одного из своих людей за смерть их вождя. Но, увидев приближавшихся солдат, жители деревни убежали в лес.

Дон Лоренсо, который фактически сосредоточил в своих руках власть и над матросами, и над солдатами, так как Менданья все время болел, послал офицера с 20 солдатами в деревню, приказав захватить нескольких подростков. Дон Лоренсо намеревался обучить их испанскому языку, с тем чтобы они служили переводчиками. Аборигены встретили испанцев градом стрел и камней. Офицер и семь солдат были ранены. Испанцы отступили, и аборигены преследовали их до самого лагеря, осыпая стрелами. Они обстреляли и лагерь, ранив еще семь человек, в том числе дона Лоренсо. В отместку последний послал солдат сжечь жилища и каноэ аборигенов. Но они не подпустили испанцев к своей деревне и ранили еще восьмерых солдат. Три победы в один день так воодушевили местных жителей, что ночью они еще раз напали на испанский лагерь, ранив при этом еще двух солдат, один из которых впоследствии умер.

Положение испанцев серьезно осложнилось тяжелой болезнью, распространившейся среди них. От одного до трех человек умирали ежедневно. Умер и капеллан Антонио де Серпа. Сам же Менданья слабел с каждым днем. В ночь на 18 октября было лунное затмение. Менданье стало так плохо, что он продиктовал свою последнюю волю. Менданья объявил донну Исабель губернатором вместо себя, ибо королевским указом ему было дано право избирать преемника. Он назначил Лоренсо капитан-генералом, то есть руководителем экспедиции. В час дня 18 октября 1595 г. Менданья скончался.

Нападения аборигенов участились. Прячась на деревьях, они стреляли в испанцев, целясь в голову или ноги, не прикрытые щитами, против которых стрелы, как убедились аборигены, были бесполезны.

Лоренсо в отместку послал отряд солдат сжечь деревню, где жил Малопе. Но в то же время, понимая,

что положение все ухудшается, старался достичь мира с островитянами. Он убеждал аборигенов в своих дружеских намерениях, но те не понимали, почему же тогда был убит Малопе. Они говорили: «Малопе! Малопе! Почему друзья пу» (так аборигены имитировали выстрел из мушкета). Тем не менее, как отмечал в своих записках Кирос, аборигены совсем не были мстительны, они легко прощали обиды. По его мнению, испанцы сами своими жестокостями возбудили враждебность местных жителей.

Когда Лоренсо попросил снабдить его людей продовольствием, аборигены, забыв вражду, сразу же выполнили его просьбу. Без помощи аборигенов испанцы наверняка погибли бы. В лагере и так оставалось не более полутора десятков здоровых людей.

Лоренсо послал фрегат под командой Диего де Вера на поиски «Санта-Исабель». Он все еще надеялся, что судно найдется и это укрепит положение экспедиции. Но Диего де Вера вернулся, не найдя исчезнувший корабль. Зато привез с собой жемчужные раковины и несколько взятых в плен аборигенов.

Очевидная безнадёжность положения испанцев заставила викария написать петицию к Исабель и Лоренсо, в которой содержалась просьба покинуть остров как можно скорее. Петицию подписали все солдаты. Но решения принято не было: донна Исабель и ее брат все еще колебались.

Болезнь косила людей. Ежедневно кого-то хоронили. Заболел и викарий. Лоренсо, страдавший от раны в ноге, полученной во время стычек с аборигенами, происходивших ранее, совсем обессилел. 2 ноября он умер. Через несколько дней скончался и викарий Хуан Родригес де Эспиноса. «Наше положение, — писал впоследствии Кирос, — достигло такой точки, что и десять туземцев могли убить всех нас и уничтожить поселение».

Наконец донна Исабель сдалась. 7 ноября был спущен флаг и все с берега были переведены на суда. Два отряда солдат отправились за водой и продовольствием. Один из них возглавил Кирос. Когда необходимые запасы были сделаны, начались приготовления к отплытию. Исабель распорядилась вести флотилию к острову Сан-Кристобаль, открытому Менданьей во время первой экспедиции. Она полагала, что «Санта-Исабель» шла

именно туда. Если же корабль не будет найден — идти в Манилу, набрать там людей и вернуться для продолжения экспедиции.

Кирос высказал мнение, что поскольку людей стало мало, а фрегат и галиот находятся в плачевном состоянии, целесообразно перевести их команды на «Сан-Хиронимо» и плыть на одном корабле, оставив два других. Капитан галиота Фелипе Корсо резко возразил, обвинив Кироса в том, что тот сделал такое предложение лишь потому, что не вложил деньги в эти суда. Кирос объяснил, что на Филиппинах они дешево купят новые и спокойно продолжат экспедицию. Идти же в Манилу на трех кораблях в их теперешнем состоянии значило бы подвергать себя большой опасности. Но с Киросом не согласились.

Вечером Кирос побывал на фрегате и галиоте. Осмотрел имевшиеся на борту запасы воды и продовольствия и проинструктировал относительно предстоявшего плавания. Шкиперу фрегата он дал карту, ибо у того не оказалось ни одной.

Ночью капитан фрегата втайне от донны Исабель сошел на берег с несколькими людьми, вырыл гроб с телом Менданьи и перенес его на корабль.

На следующий день, 18 ноября 1595 г., испанская флотилия покинула остров и отправилась на поиски Сан-Кристобаля. За месяц пребывания на Санта-Крус умерло 47 человек. Остальные почти все были больны, но тем не менее настроение на судах было бодрое. Все радовались, что покинули остров, «это преддверие ада», считая, что несчастья их кончились.

Но это было не так. Болезнь продолжала распространяться среди членов экипажа. Ежедневно в пучинах океана исчезали тела умерших. Опять поднялся ропот, люди требовали идти прямо к Маниле, прекратив поиски Сан-Кристобаля. Донна Исабель настаивала на своем, и флотилия продолжала идти на запад, не встречая никаких признаков суши. Наконец, Исабель согласилась на изменение курса, корабли повернули на северо-запад.

27 ноября с кораблей увидели землю. Кирос считал, что это была Новая Гвинея. Большие волны, шедшие с северо-запада, не позволили судну подойти к земле. Пришлось идти дальше намеченным курсом. А встреченная испанцами земля была не Новой Гвинеей, а Соло-

моновыми островами, куда они так долго и страстно стремились.

10 декабря, когда суда были уже на полградуса южнее экватора, исчез галиот. Его капитан Фелипе Корсо незаметно отделился от флотилии и повел корабль другим курсом. Озлобленный тем, что Кирос, а не он стал фактическим руководителем экспедиции, он решил поскорее достичь Филиппин и заявить о сделанных открытиях, приписав их только себе. Корсо был убежден, что остальные суда экспедиции погибнут на пути к Маниле.

Действительно, положение и на флагмане, и на фрегате было отчаянным. Воды и продовольствия не хватало, болезнь свирепствовала. Каждый день приносил смерть. Матросы, истощенные до предела, отказывались работать. «Они не хотели работать, — отмечал в своих записках Кирос, — говоря, что ни бог, ни корабль не заставят их делать невозможное... Один из матросов сказал, что устал быть постоянно усталым и предпочел бы умереть один раз, а не многократно, и вообще им всем лучше броситься с борта корабля в морскую пучину». Такое же настроение было и у солдат. Они тоже, по словам Кироса, «предпочли бы смертный приговор или ссылку на турецкие галеры», чем мучительное ожидание на корабле неминуемой смерти.

Экипаж возмущало то, что сама Исабель и ее приближенные не испытывали никаких трудностей и лишений. Исабель имела «свои» запасы продовольствия и воды и не желала ни с кем делиться. Обезумевшие от голода люди, среди них матери с грудными младенцами, видели, как Исабель со своей компанией пьет вино, ест мясо и фрукты. В то время как все молили о глотке воды, она приказывала стирать свои платья только в пресной воде.

Кирос много раз уговаривал Исабель поделиться припасами с экипажем, говорил, что если перемерут матросы, то она все равно не спасется. Исабель советовала Киросу повесить на реях двух-трех матросов, чтобы остальные прикусили язык. «Разве я не могу распоряжаться своей собственностью», — возмущалась она, на что Кирос ей отвечал: «Это принадлежит всем и перейдет всем... Вы слишком долго испытываете терпение тех, кто страдает, и они могут взять силой все на корабле. Голодные люди знают, как помочь себе».

Стоя на своем, Исабель распорядилась забрать ключи от склада у стюарта, человека честного и преданного Киросу, и передать одному из своих слуг. Так продолжалось до 17 декабря, когда с фрегата сообщили, что началась сильная течь и судно едва держится на поверхности. Кирос спросил разрешения Исабель послать на фрегат нескольких матросов, чтобы помочь откачивать воду. Но она отказала, оставляя терпящее бедствие судно на произвол судьбы. Ночью фрегат исчез. С утра до полудня Кирос искал его, но все было напрасно. Солдаты на борту «Сан-Хиронимо» подняли крик, требуя прекратить поиски и плыть своим курсом. Кирос убеждал их, что позорно бросать в беде корабль, где находятся их товарищи, но безуспешно, и «Сан-Хиронимо» продолжил свой путь на северо-запад.

23 декабря с «Сан-Хиронимо» увидели землю. Это оказался остров Понапе, крупнейший из Каролинских островов. Но Кирос не решился подойти к берегу из-за многочисленных рифов, хотя остров выглядел весьма привлекательно: были видны обработанные поля, деревья и яркие цветы.

1 января 1596 г. «Сан-Хиронимо» подошел к Гуаму, но и здесь не остановился, не найдя удобной гавани. 12 января испанцы увидели землю, принятую ими за Филиппины. Корабль вошел в залив, где на его борт поднялись аборигены, говорящие по-испански. Одним из них оказался человек, служивший лоцманом Кавендишу, когда тот плавал в филиппинских водах. Как оказалось, «Сан-Хиронимо» подошел к мысу Эспириту-Санту. День угасал, и Кирос, не имевший карты залива и никогда здесь не бывавший, не решился зайти в него, опасаясь рифов. Несмотря на приказ донны Исабель вести судно к берегу, Кирос решительно отказался это сделать. На следующий день Кирос повел корабль в залив. Все на судне убедились, как был он прав, отказавшись накануне вечером войти в залив. Кругом были рифы. Аборигены на трех каноэ показывали безопасный путь. «Сан-Хиронимо» встал на якорь в середине залива.

Аборигены, сопровождавшие судно, поспешили в свою деревню, расположенную недалеко от берега. Вскоре ее жители появились с разнообразной снедью. «Они принесли, — писал Кирос, — кур и свиней, пальмовое вино, которое многим из нас развязало языки, коко-

совые орехи, бананы и сахарный тростник, папайю, воду в стволах бамбука. В обмен они брали реалы, ножи и стеклярус, который ценили выше серебра». В течение трех дней горели костры, готовилась еда, пиршество продолжалось и днем и ночью. Истощенные, больные люди накинулись на еду, не соблюдая осторожности, и им стало еще хуже; трое или четверо умерли.

Аборигены продолжали приносить еду. Ее переносили на корабль, где делали запасы на весь дальнейший путь. Казалось, можно было возобновить плавание.

Однако состояние судна внушало Киросу большие опасения: оно требовало ремонта. Исабель торопила Кироса, настаивая на немедленном выходе в море. Но тут начал дуть северо-западный ветер, который не давал судну возможности выйти из залива. Более того, якорные канаты буквально каким-то чудом удерживали корабль, поскольку были очень ненадежны.

Два дня дул ветер, почти срывая судно с якоря и грозя разбить его о прибрежные скалы. Кирос, понимая всю серьезность положения, предложил Исабель перенести пушки и продукты на берег, а также посадить всех женщин и детей. Но та опять отказала, приказав, как только подует благоприятный ветер, выйти в открытое море. Кирос заявил, что не сделает этого и подал письменный протест. Тогда Исабель распорядилась созвать военный совет, где под ее давлением было принято решение идти в Манилу.

Подчиняясь приказу, Кирос вывел «Сан-Хиронимо» в открытое море, но, обнаружив недалеко от прежней стоянки очень удобный залив, приказал встать там на якорь и произвести все-таки хотя бы самый неотложный ремонт. Когда работы были закончены, 29 января 1596 г. «Сан-Хиронимо» вышел в море. Через два дня судно подошло к порту Нивалон на побережье острова Лусон. 1 февраля судно уже было совсем недалеко от Манилы, у Галвана. Там донна Исабель послала двух своих братьев с семьей солдатами на берег под предлогом поисков продовольствия. На самом же деле она хотела, чтобы власти в Маниле получили информацию о плавании до прихода туда корабля и такую, какую она считала нужной.

«Сан-Хиронимо» продолжал плавание у острова Лусон, весьма опасное из-за многочисленных рифов. На

корабле опять ощущался острый недостаток продовольствия. 2 февраля с «Сан-Хиронимо» увидели каноэ с большим числом аборигенов. Но, увидев корабль, те поспешили скрыться. Потом испанцы узнали, что аборигены испугались появления их судна, приняв его за британское (в их памяти еще жило посещение тех мест Томасом Кавендишем), ибо испанские суда в это время обычно здесь не появлялись. Опять испанцы упустили возможность пополнить запасы продовольствия. Экипаж голодал. Кирос попросил Исабель разрешить взять провизию из ее запасов, но та категорически отказала.

Показались две лодки с 40 аборигенами. На вопрос, откуда они, те отвечали на испанском языке, что из Манилы, находившейся неподалеку. Кирос попросил их прислать человека, который провел бы корабль в Манильскую гавань, подходы к которой были опасны для незнакомых с ними людей. Аборигены согласились, и один из них поднялся на борт «Сан-Хиронимо». Наконец корабль в бухте. Ему навстречу идет шлюпка с четырьмя испанцами и восемью аборигенами. Измученным, истощенным людям на корабле они показались «четырьмя тысячами ангелов», как писал впоследствии Кирос. Когда прибывшие на шлюпке поднялись на борт судна, глазам их предстало печальное зрелище. Больные, обессиленные люди в лохмотьях, кричали: «Дайте нам еды, мы сходим с ума от голода и жажды». Вдруг прибывшие на корабль увидели двух откормленных свиней. «Почему их не убили?» — спросил Алонсо де Альбарран, один из прибывших. Ему объяснили, что свиньи принадлежат донне Исабель. «Что за дьявол! Почему в такое время им оказывают столько почтения?» — воскликнул де Альбарран.

Прибывшие были представителями губернатора Манилы, и Исабель не могла с этим не считаться. Она тут же приказала заколоть свиней.

Донна Исабель отправила одного из солдат к губернатору с ответом на переданное ей галантным де Альбарраном послание, в котором тот в весьма лестных выражениях отзывался о плавании, узнав о нем от ее братьев, и приглашал ее к себе.

Вскоре пополудни к «Сан-Хиронимо» подошла еще одна шлюпка, на которой находились братья Исабель с главой местного магистрата. Они привезли хлеб, вино

и фрукты, посланные на корабль губернатором. Донна Исабель и ее приближенные начали пировать, а экипаж продолжал голодать. В ночь один из детей, находившихся на борту «Сан-Хиронимо», умер от истощения. Лишь на следующее утро на корабль были доставлены продукты для экипажа.

«Сан-Хиронимо» входил в порт. На берегу были выстроены солдаты, развевалось знамя, гремел артиллерийский салют. С корабля раздались ответные залпы. «Сан-Хиронимо» бросил один из оставшихся якорей на полусгнившем канате. Это было 11 февраля 1596 г. 50 человек экипажа умерло во время плавания из Санта-Крус.

Как только «Сан-Хиронимо» встал на якорь, на его борт поднялось много людей. Все были поражены бедственным состоянием экипажа и корабля и выражали искреннее удивление, как вообще удалось в таких условиях закончить плавание.

На следующий день, поздно вечером, донна Исабель покинула корабль. На берегу ее встретили с величайшими почестями, даже салют прогремел в ее честь.

Больных перенесли на берег и доставили в госпиталь. В течение нескольких дней умерло еще 10 человек.

Фрегат «Санта-Каталина», как потом сообщили, был найден у одного из Филиппинских островов. Вся команда была мертва. Галиот «Сан-Фелипе» достиг небольшого островка Каманигуин. Большинство членов экипажа умерло. Оставшиеся в живых были совершенно истощены и наверняка погибли бы, если б не местные жители, которые помогли им добраться до испанских католических священников, живших на острове. Те переправили их к губернатору острова Минданао, последний арестовал пятерых из них (Фелипе Корсо и четырех матросов) и отправил в Манилу. В сопроводительном письме манильским властям губернатор объяснял свои действия следующим: капитан галиота самовольно покинул флотилию Альваро де Менданди, совершив тем самым тяжкое преступление. В Маниле арестованных заключили в тюрьму.

Вскоре по приходе в Манилу «Сан-Хиронимо» туда прибыл новый губернатор Франциско Телло, занимавший до этого пост казначея Торговой палаты Севильи. В его честь были устроены пышные празднества. После

их окончания состоялась свадьба Исабель и юного Фернандо де Кастро, ее дальнего родственника, кузена губернатора Марианских островов. «Сан-Хиронимо» отремонтировали, туда доставили запасы продовольствия и воды. 10 августа 1596 г. Кирос повел корабль к берегам Новой Испании. Плавание началось слишком поздно для этих широт и потому проходило очень сложно. Наконец 11 декабря 1596 г. «Сан-Хиронимо» прибыл в Акапулько, где Кирос расстался с донной Исабель. Он перебрался на другой корабль и отправился в Перу.

Педро де Кирос унаследовал от Менданьи его жгучее желание колонизовать Соломоновы острова. Но еще более страстно он мечтал найти таинственную Южную Землю, в существовании которой не сомневался.

Кирос был уверен, что все острова, открытые испанцами в 1568—1595 гг., в том числе Маркизские и Соломоновы, — отделившиеся части огромного материка, расположенного к югу от них. Ему представлялось, что Южная Земля протянулась от Новой Гвинеи до Магелланова пролива.

Плывя вдоль побережья Новой Испании, Кирос 3 мая 1597 г. прибыл в порт Пайта. Оттуда он написал письмо вице-королю Перу Луису де Веласко. Кирос просил разрешить ему немедленно отправиться в новое плавание на поиски Соломоновых островов и других еще не открытых земель, в существовании которых он был уверен, а также выделить для экспедиции судно водоизмещением 60 тонн и 40 матросов.

Отослав письмо, Кирос по берегу направился в Лиму, куда прибыл 5 июня. Вице-король принял его очень хорошо, долго расспрашивал об экспедиции и сделанных открытиях. Кирос, рассказав все, убеждал позволить ему как можно скорее уйти в новое плавание, ручаясь за его успех. Но Луис де Веласко сам разрешения не дал, а посоветовал Киросу отправиться в Испанию и добиться там соответствующего приказа короля. «Я думаю, что самый надежный путь, — говорил вице-король, — это явиться ко двору короля, раз дело так серьезно и важно, и никто другой, кроме вас, не сможет его лучше осуществить». Дон Луис обещал снабдить Кироса рекомендательными письмами к королю и его советникам.

17 апреля 1598 г. Кирос вышел в море из порта Кальяо на корабле «Капитан», которым командовал Белтрон де Кастро, и спустя 22 дня прибыл в Панаму. Оттуда сухопутным путем Кирос направился в Пуэрто-Белло, где сел на фрегат, идущий в Картахену. Через неделю он был в Картахене. Жители города находились в большой тревоге, ибо появился британский флот в составе 20 судов под командованием графа Камберленда, который до этого разгромил Пуэрто-Рико. Однако страхи скоро рассеялись: к Картахене подошла сильная испанская эскадра под командованием дона Луиса Фаярдо, сопровождавшая галиоты с драгоценными металлами, которые направлялись из Новой Испании в Севилью.

Из Картахены Кирос написал вице-королю Перу письмо со всеми подробностями планируемого путешествия к Южному материку. Если он погибнет на пути в Испанию, его сообщения можно будет использовать для проведения такой экспедиции без него.

Испанский флот под командованием Луиса Фаярдо возвращался из Пуэрто-Белло с грузом серебра. Киросу разрешили плыть на одном из галиотов. 1 ноября флот покинул Картахену и через 27 дней встал на якорь в Гаване.

Из Гаваны флот дона Луиса вышел лишь 16 января 1599 г. Вначале плавание шло благоприятно, но затем погода изменилась. Сильнейший шторм разбросал корабли эскадры: одни исчезли, другие, в том числе галиот, на котором находился Кирос, вернулись в Картахену. Это было 3 марта. Оттуда Кирос послал письма испанскому королю и вице-королю Перу.

Корабли простояли в Картахене до конца года, пока не пришли новые корабли с серебром. 4 января 1600 г. испанская эскадра вышла в море. 25 февраля она достигла берегов Испании у Санлукар-де-Баррамеды. Оттуда Кирос отправился в Севилью. В городе он узнал, что 1600 год объявлен католической церковью «священным годом», в течение которого в Риме будут проходить грандиозные празднества.

Кирос решил воспользоваться благоприятной обстановкой, отправиться в Рим и попробовать заинтересовать папу своим планом открытия Южного материка. Он продал свои немногочисленные пожитки и купил

одежду пилигрима. Из Севильи Кирос пешком добрался до Картахены (испанской), а оттуда на корабле до Генуи. Смешавшись с толпой паломников, Кирос отправился в Рим. Там ему сопутствовал успех: он познакомился с испанским послом при папском дворе герцогом Сеса, которому изложил свой план. Он подробно обосновал предположение о существовании Южного континента, о его расположении и о том, как важны для Испании захват новых земель и их колонизация. При этом Кирос не забыл особо подчеркнуть «священность миссии обращения в христианство идолопоклонников».

Хотя Кирос и произвел на посла благоприятное впечатление, тот все-таки решил устроить ему экзамен по навигации и космографии, пригласив для этого виднейших римских специалистов. Те признали высокую компетентность Кироса. После чего герцог Сеса добился для Кироса аудиенции у папы Климента VIII.

Папа хорошо встретил Кироса и обещал дать ему рекомендательные письма к королю Филиппу III и представителям католической церкви в испанских владениях в Америке. Однако из-за бюрократизма, царившего в папской канцелярии, Кирос получил письма лишь весной 1602 г. Возвращаясь в Испанию, он вез с собой и письмо герцога Сеса (а поддержка герцога была не менее важной, чем папы). В своем письме к королю, датированном 3 февраля 1602 г., герцог писал, что гипотеза Кироса о существовании Южного континента, находящегося между Новой Гвинеей и Магеллановым проливом, разделяется ведущими римскими космографами и что следует без промедления захватить эту землю.

Весной 1602 г. Кирос из Генуи отплыл в Барселону, а оттуда направился в Мадрид. Узнав, что король находится в Эскуриале, он прибыл туда и 17 июня 1602 г. был принят королем.

Кирос изложил королю свой план экспедиции к Южному материку, передал ему памятную записку. Филипп III, внимательно выслушав Кироса, заявил, что его идеи будут подробно рассмотрены. Кирос встретился с ближайшими советниками короля, передал им письма от папы, вице-короля Перу и испанского посла в Риме, а также свои записки о предполагаемом плавании и карты.

Мнения советников разделились. Одни поддержа-

ли Кироса, другие отнеслись скептически, говоря, что он предлагает больше, чем сможет дать, третьи считали, что Испания и так владеет огромными заморскими территориями и уж лучше осваивать их, а не искать расположенные далеко новые, управлять которыми будет и трудно и дорого.

Кирос ежедневно передавал на имя короля новые записки, в которых опровергал аргументы, выдвигавшиеся против его проекта, и получал ответные письма от советников короля с противоречивыми мнениями: одни продолжали поддерживать его, другие — едко высмеивали. Наконец 5 апреля 1603 г. Киросу вручили приказ Филиппа III вице-королю Перу от 31 марта организовать экспедицию к Южному материку. Испанский монарх приказывал дону Луису де Веласко по прибытии Кироса в Перу немедленно предоставить в его распоряжение «два хороших корабля, которыми он будет доволен, а также команду и снабдить суда оружием и снаряжением, необходимым для продолжительного плавания. Кроме того, корабли следовало снабдить товаром для обмена с туземцами открываемых земель... Примите во внимание, что я желаю, чтобы означенный капитан Кирос предпринял это плавание без промедления... Первым же кораблем, возвращающимся в Испанию, вы должны сообщить мне о прибытии означенного капитана Кироса и о том, передали ли вы ему указанные выше два судна, снабдив их всем необходимым. Я буду с нетерпением ждать известий о выполнении моего приказа...»

В другом приказе от 9 мая 1603 г. Филипп III писал дону Луису, что если Кирос погибнет от болезни, ранения или по каким-либо другим причинам, то, «чтобы не утратить ожидаемого столь большого успеха от указанных открытий во имя господ бога и нашей святой церкви, я приказываю вам в этом случае назначить другое лицо, равных способностей и знаний... для совершения указанных открытий».

Взяв королевские приказы, Кирос отправился в Севилью, где флотилия из 30 кораблей готовилась к отплытию в Америку. Но, когда Кирос добрался до Севильи, флот уже вышел в море, и с ним отправился новый вице-король Новой Испании. Киросу посчастливилось сесть на фрегат, догонявший ушедшие корабли.

2 августа Кирос был уже у острова Гваделупа. Налетел страшный ураган. Несколько кораблей были выброшены на берег, другим, в том числе фрегату, на котором находился Кирос, удалось выйти в море. Но недалеко от острова Кюрасао фрегат разбился о скалы и его команде и пассажирам, в том числе Киросу, удалось на шлюпке достичь маленького островка Авес и высадиться на нем. На этой же шлюпке были перевезены на остров с тонущего судна продовольствие, снаряжение и инструменты, а также останки разбившегося фрегата. Капитан погибшего корабля приказал команде начать постройку нового фрегата. Он послал на шлюпке Кироса с несколькими людьми в Каракас с тем, чтобы те сообщили местным властям о случившемся и пополнили продовольствие. С величайшими трудностями Киросу удалось привести шлюпку в Каракас. Он сообщил губернатору о гибели фрегата и об оставшихся на острове людях. Губернатор распорядился о выдаче Киросу необходимых продуктов, и тот отправился в обратный путь.

Вернувшись, Кирос передал продовольствие капитану погибшего корабля. Он увидел, что команда почти закончила постройку нового фрегата, на котором ему предложили продолжить плавание. Но Кирос отказался, сославшись на необходимость вернуться в Каракас. С несколькими людьми он опять на шлюпке отправился в Каракас, где пробыл восемь месяцев в ожидании попутного корабля.

К своему великому удивлению, Кирос встретил в Каракасе трех детей своего брата, о котором много лет ничего не слышал. Оказалось, что тот здесь женился и умер, оставив вдову с двумя сыновьями и дочерью. Жена его тоже умерла, и дети воспитывались у бабушки. Кирос попросил ее отпустить с ним двух племянников, оставив девочку у себя. Получив согласие, Кирос с племянниками сел на пришедший в Каракас корабль и отправился в Картахену. Об одном из племянников Кироса, Лукасе де Киросе, сохранились сведения, что он впоследствии стал опытным картографом, составившим по распоряжению вице-короля Перу карту Южной Америки от Картахены до Магелланова пролива.

В Картахене Кирос показал губернатору приказы короля и просил его оказать помощь, но тот не проявил никакого интереса. Кирос отправился в Пуэрто-Белло.

Туда он прибыл совершенно без денег. И опять местные власти не проявили никакого интереса к показанным Кирсом приказам испанского монарха. И это неудивительно. Испанские гранды, добиваясь назначения на высшие посты в колониальной администрации, думали отнюдь не о служении государству, а прежде всего о скорейшем собственном обогащении. Вдали от Мадрида они чувствовали себя местными самодержцами и не спешили выполнять волю короля, тем более что приказ монарха не был адресован им непосредственно.

К довершению неприятностей с Кирсом случилось большое несчастье. 30 августа в городе было религиозное празднество, и он пошел посмотреть его. Чтобы лучше видеть, Кирос взобрался на крышу местного госпиталя, где уже скопилось много народа. Прогнившие перекрытия не выдержали тяжести. Часть здания обрушилась, увлекая за собой не только стоявших на крыше, но и больных, находившихся на втором этаже. Были убитые и раненые. Кирос сломал руку и правую лодыжку, получил сильный удар в бок. Два с половиной месяца он пролежал в больнице, не имея ни гроша. «Это было чудо, — писал Кирос впоследствии, — что кто-то сжалился надо мной и помог».

Наконец Кирос смог продолжить свое путешествие. Он покинул Панаму, отправившись на корабле в Перу. Через 20 дней судно подошло к порту Пайта. Перейдя на другой корабль, Кирос через 18 дней, 6 марта 1605 г., достиг Кальяо.

Он попросил лошадей у одного из старых знакомых и отправился в Лиму, куда прибыл уже ночью. Кирос нигде не мог найти ночлега, и только горшечник, добрый человек, приютил его на несколько дней.

Лишь 11 марта Киросу удалось добиться аудиенции у вице-короля, графа Монтерея, сменившего Луиса де Веласко. Ознакомившись с приказом короля, граф назначил следующую встречу на 28 марта. На этот раз у вице-короля находились два местных судьи, два священника, командующий флотом в Кальяо Лоис де Уллоа, начальник гвардии и секретарь.

Вице-король попросил Кироса подробно рассказать о предстоящей экспедиции и следил за его объяснениями по карте, расстеленной на столе. Присутствующие задали Киросу много вопросов. Его ответы как будто удовлет-

ворили их. Хуан де Виллела, один из судей, и отец Франсиско Коелло горячо поддерживали проект экспедиции. Тогда граф Монтерей заявил, что, по его мнению, целесообразнее начать экспедицию не из Лимы, а из Манилы. Это будет дешевле и сократит много времени. Кирос отвечал, что, во-первых, королевский приказ ясно требует, чтобы экспедиция была начата из Лимы, а не из Манилы, и, во-вторых, неблагоприятные ветры не позволят успешно провести плавание с Филиппин. К тому же в Маниле очень трудно набрать матросов и солдат. Вице-король промолчал и заседание было закончено.

Время шло, а подготовка к экспедиции не начиналась. Вице-король все время ссылаясь то на свою занятость другими делами, то на здоровье. Кирос, беспокоясь, что будет упущено наиболее благоприятное время для проведения экспедиции, послал графу Монтерею памятную записку. Но и это не действовало. Кирос не только не встречал поддержки со стороны местных властей, а, наоборот, лишь сопротивление в осуществлении плавания. К тому же Фернандо де Кастро, прибыв в Лиму, заявил о своих правах на Соломоновы острова как муж вдовы Мендании, первооткрывателя этого архипелага; Кирос отверг его притязания, предъявив соответствующие места в приказах короля Филиппа III.

Кирос по-прежнему был без всяких средств и потому с большой признательностью принял предложение королевского судьи доктора Ариаса Угарте поселиться в его доме. Доктор Угарте почти насильно заставил Кироса взять у него деньги.

Кирос продолжал посылать вице-королю один меморандум за другим, но все было тщетно. Тогда он обратился с просьбой к графу Монтерею назначить специальных уполномоченных, ответственных за подготовку экспедиции, поскольку суперинтендант адмирал Хуан Колманеро де Андрада не справлялся с этим делом. На этот раз вице-король принял некоторые меры, и подготовка экспедиции началась.

Однажды граф Монтерей пригласил к себе Кироса и завел с ним разговор о том, что согласно королевскому приказу должен быть назначен его преемник на посту начальника экспедиции на случай смерти самого

Кироса, и он хочет назначить кого-нибудь из членов экипажа.

«Я заявил ему, — писал Кирос много лет спустя, — что не хотел бы брать с собой в плавание того, кто будет знать, что займет мое место, поскольку это сопряжено с очевидной опасностью. В приказе его величества говорится, что я сам назову кандидатуру в случае, если мне будет угрожать смерть, до того как я вернусь в Лиму или выйду из нее, чтобы предприятие продолжалось, но в настоящее время я здоров и чувствую себя хорошо. Поэтому я просил его подождать с этим делом и посмотреть, как распорядится господь, а пока предоставить это дело мне. И, если я увижу какую-либо серьезную опасность для экспедиции, я сумею выбрать такое лицо». Вице-король больше не говорил на эту тему, но, как оказалось впоследствии, не внял аргументам Кироса.

Наконец все приготовления к плаванию были закончены. Три корабля, готовые к отплытию, стояли в порту Кальяо. Кирос с капитанами двух других судов явился к графу Монтерею. Он извинился перед вице-королем за назойливость, проявленную им при подготовке экспедиции, объяснив ее лишь желанием скорее закончить приготовления. Граф же в ответ поблагодарил Кироса за такую преданность делу и пожелал счастливого плавания, предупредив, что из-за нездоровья не сможет быть в порту при отплытии кораблей. Вице-король вручил Киросу текст своей речи, которую следовало прочитать перед отплытием судов из Кальяо. Граф Монтерей подчеркивал важность предпринимаемой экспедиции для Испании и выражал уверенность, что она будет проведена успешно.

Вернувшись в Кальяо, Кирос распорядился ознакомить экипажи судов с посланием вице-короля. На кораблях были подняты паруса. Верхушки мачт были украшены флагами, развевался королевский штандарт.

Суда экспедиции прошли мимо стоявших в порту кораблей, салютуя из пушек и мушкетов. Те дали ответный залп. Это было в три часа пополудни, 21 декабря 1605 г.

Один за другим три корабля экспедиции покинули порт Кальяо. Впереди шел флагман «Сан-Педро-и-Сан-Пабло», затем вице-адмиральский корабль «Сан-Педро»

и замыкал шлюп «Три волхва». Первые два судна были небольшими, водоизмещением 60 и 40 тонн, а последнее — совсем маленькое, всего 12 тонн. В экспедиции принимало участие 300 человек. Кроме матросов и солдат на борту находились шесть священников-францисканцев и врач с четырьмя братьями милосердия. Флагманским кораблем командовал сам Кирос, вице-адмиральским — Луис Ваэс де Торрес, а шлюпом — Бернал Серменто. Главным кормчим экспедиции против желания Кироса вице-король назначил Хуана де Бильбоа. Именно его граф избрал в возможные преемники Кироса, что весьма неприятно поразило последнего и сулило большие осложнения.

Тем не менее общее настроение было превосходным. Один из шкиперов экспедиции, Гонсалес де Леса, говорил впоследствии: «Нас охватило такое горячее желание послужить богу, святой католической церкви и во славу короля, нашего повелителя, что нам казалось все возможным».

Кирос еще в Кальяо почувствовал себя плохо. На корабле болезнь усилилась. Три дня Кирос был в очень плохом состоянии, но затем поправился. «Если богу угодно, то будешь жить», — напишет он позднее, вспоминая начало своего плавания.

Учитывая опыт экспедиции с Менданьей, Кирос, поправившись, написал подробнейшую инструкцию, которую передал 8 января 1606 г. капитанам двух других судов. В инструкции Кирос давал скрупулезные указания не только по части навигации, рациона питания экипажей, но и дисциплины. Все азартные игры были запрещены. Капитанам вменялось в обязанность строго следить за обращением офицеров с матросами и солдатами. Требования соблюдения дисциплины не должны были перерастать в жестокость. Капитану «следует использовать те методы, которые необходимы для поддержания твердой дисциплины, дружелюбия, честности и преданности, помня, как многого может достичь тот, кто добивается повиновения не применением жестоких мер, а добром».

Кирос специально остановился в инструкции на поведении в отношении коренных жителей открываемых земель. «Запомните, что если на кораблях появятся вожди или простые туземцы, то их следует принимать лю-

безно, как гостей, и одаривать подарками, которые им больше всего приглянулись. Такой же линии поведения необходимо придерживаться и на берегу, когда туземцы пожелают войти в сношение и говорить с нами... Узнавайте у туземцев, есть ли поблизости другие острова или обширные земли, и если они населены, то какой цвет кожи у их жителей, едят ли они людей, миролюбиво или воинственно настроены; есть ли у них золото... серебро... жемчуг, специи... как они называются на их языке и запоминайте эти названия. Выясните, где это все добывается. Покажите свою благодарность за все то, что они дали... Крики и шум туземцев на их сборищах, бряцание оружием не должны вызывать у нас тревоги... При нападении туземцев сначала надо дать холостой залп из мушкетов, выстрелить в воздух, а затем уже, сообразуясь с обстановкой, предпринять необходимые меры, чтобы их отогнать или остановить... Мы должны относиться к туземцам как к детям... Всегда быть справедливыми к ним, иметь открытые и честные намерения, и тогда бог поможет нам, как он помогает всем, чьи цели добры». Кирос предусмотрел и случай, если корабли потеряют друг друга: корабль, который первым придет в Санта-Крус, должен ждать остальных три месяца. Если же по истечении этого времени они не появятся, ему следует «плыть в поисках Южной Земли на юго-запад к 20° ю. ш., затем на северо-запад до 4°, оттуда на запад, вдоль северного побережья Новой Гвинеи к Маниле, а потом домой, в Испанию, через мыс Доброй Надежды».

Суда шли заданным курсом. Великий океан был тогда действительно тихим, хотя ветры часто меняли направление, затрудняя движение кораблей. Так продолжалось до 22 января, когда суда достигли 26° ю. ш. Погода резко изменилась. Начался сильный шторм. Кирос, несмотря на протесты Торреса, решил изменить курс и идти на северо-запад. Он считал, что в это время года безопаснее уйти в более теплые моря.

25 января с кораблей увидели в воде пучки водорослей, а на следующий день — стаи птиц. Неподалеку испанцы обнаружили небольшой атолл, но подойти к нему оказалось невозможно, а на судах кончались запасы питьевой воды. Испанцы пользовались предусмотрительно захваченной Киросом «машиной» для переработ-

ки морской воды в пресную, но для ее работы требовались дрова, которых тоже оставалось немного. К вечеру исчез «Сан-Педро», что сильно беспокоило Кироса, но, к счастью, наутро с флагмана увидели, что он идет навстречу на всех парусах.

29 января вдали показалась земля. С «Сан-Педро» была спущена лодка с тремя людьми. Вернувшись, они сообщили, что подходы к берегу опасны для судов. И на этот раз высадка не состоялась, корабли пошли дальше.

В первые дни февраля испанцы обнаружили еще несколько неизвестных островов, но все они были окружены рифами, которые делали невозможным подход судов.

Наконец 10 февраля корабли подошли к острову, где в отличие от всех встреченных ранее на берегу были видны люди, дым костров.

Испанцы, первые увидевшие все это, закричали: «Люди, люди на берегу!» Это известие вызвало такой восторг у экипажей судов, уже много дней мучившихся от нехватки воды, что люди на берегу показались им ангелами, как писал впоследствии Кирос.

Но и к этому острову подходы оказались опасными. К берегу была послана шлюпка, которая тоже не смогла подойти к острову: находившиеся в шлюпке матросы увидели, что стоявшие на берегу люди вооружены дубинками и копьями. Испанцы знаками показали аборигенам, что хотят высадиться, те также знаками ответили, что не возражают и показали направление, куда надо плыть. Но высокая волна мешала шлюпке подойти к берегу. Тогда двое из матросов разделись и вплавь добрались до острова. Встреча поразила их. Аборигены, положив на землю оружие, три раза поклонились испанцам. Они обнимали их и целовали «в щеки, что означает выражение дружбы, используемое также и во Франции», — отметил Кирос в своих записках.

Когда оставшиеся в шлюпке матросы увидели столь дружественную встречу, еще двое выпрыгнули из нее и поплыли к берегу. Один из них был особенно белокож, и, когда он вышел на берег, аборигены окружили его и с величайшим удивлением рассматривали спину, грудь и руки. Такому же внимательному и почтительному осмотру подверглись и остальные испанцы.

Один из аборигенов, по-видимому вождь, подошел к матросам и протянул пальмовую ветвь в знак дружбы и мира. Потом он жестом пригласил их в деревню, показав, что снабдит едой. Но испанцы, к большому огорчению местных жителей, спешили вернуться на корабль. В столь торжественной встрече, устроенной аборигенами испанцам, как потом все более убеждались европейские мореплаватели, активно исследовавшие Тихий океан в XVII—XVIII вв., не было ничего необычного.

Островитяне принимали бледнолицых пришельцев, появлявшихся на громадных, по их представлениям, кораблях за спустившихся с небес богов и воздавали им соответствующие почести. Европейцы не замедлили развеять эти представления простодушных жителей тихоокеанских островов, совершая жестокие, бесчестные поступки, проливая кровь невинных жертв. Боги так не могли поступать! Недавние кумиры были развенчаны. Островитяне начали с ними борьбу, которая длится по сей день.

Кирос приказал продолжить поиски подходящей гавани для захода судов. На следующий день шлюпка была послана к другому месту острова. Но и оно оказалось не подходящим для высадки из-за множества подводных скал. Даже шлюпка не могла пристать к берегу, и матросам пришлось добираться вплавь. Пресной воды они не нашли и утолили жажду молоком кокосовых орехов. На берегу испанцы встретили старую женщину. «На вид ей, казалось, было лет сто, — писал Кирос. — Худощавая, высокая женщина с густыми длинными черными волосами, едва тронутыми сединой... В руках она несла корзину с сушеной рыбой... Маленькая собачка бежала рядом».

Испанцы взяли ее в шлюпку и, вернувшись на корабль, привели к Киросу. Он усадил ее на ящик, дал горшок с супом и мясо, которое она съела без колебаний. Старуха, как писал впоследствии Кирос, «оказалось, прекрасно знает, что такое вино». Она осталась очень довольна подаренным ей зеркальцем. Очень внимательно она вглядывалась в лица окружающих ее людей. На пальце у старухи было золотое кольцо с изумрудом, но когда старуху спросили о нем, она знаками показала, что отдаст его только с пальцем, так оно

ей дорого. Кирос распорядился, чтобы ей дали подарки и доставили назад, на берег.

Отношения между испанцами и аборигенами установились дружественные — явная заслуга Кироса. Вождем аборигенов был человек лет пятидесяти, хорошо сложенный, с располагающей внешностью. Его люди относились к нему с большим почтением. Испанцы предложили вождю показать корабль, посадили его в одну шлюпку, а нескольких его подданных — в другую, но когда шлюпки отошли от берега, сопровождавшие вождя люди, испугавшись, прыгнули в воду и поплыли назад. Вождь хотел последовать за ними, но сидевшие в шлюпке испанцы насильно удержали его. Он пытался освободиться с такой яростью, что несколько матросов едва смогли справиться с ним. На борт корабля он категорически отказался взойти. Тогда Кирос сам спустился в шлюпку, неся в руках пальмовую ветвь. Он сердечно приветствовал вождя, знаками прося его извинить за причиненное беспокойство. Однако вождь с большим унынием смотрел на окружавших его людей и показывал рукой на берег, прося испанцев вернуть его туда. Кирос надел на него панталоны и желтую шелковую рубашку, дал шляпу, повесил на шею цепочку с десятью медалями, вручил ящичек с ножами и приказал вернуть на берег.

На берегу вождя ждали островитяне, явно беспокоившиеся за него. Когда же вождь вернулся, они несказанно обрадовались и дали испанским солдатам, находившимся на берегу, рыбу и воду. Вождь снял свой роскошный головной убор и передал сержанту в подарок Киросу. На следующий день корабли покинули остров.

Опять испанцам встречались небольшие острова, но они не подходили к ним. Отношения между Киросом и главным кормчим Хуаном де Бильбоа обострились. Последний все время противоречил своему командиру, сеял вражду между офицерами. Верные люди доносили Киросу, что кормчий готовит против него заговор: его собираются убить, а труп выбросить за борт. Сначала Кирос не хотел этому верить, но постепенно собственные наблюдения привели его к убеждению, что некоторые приближенные де Бильбоа ведут себя весьма подозрительно. Главный кормчий явно выделяет их: они получают больше еды и воды, а те постоянно устраивают

скандалы, ссоры среди экипажа. Тогда Кирос собрал весь экипаж. Он сказал, что король поручил им исследовать Южную Землю, и они должны это сделать даже ценой своих жизней, поэтому он требует от всех добросовестного исполнения долга. Главный кормчий объявил, что хочет перейти на вице-адмиральский корабль, но когда Кирос разрешил, не только не покинул флагман, но и прекратил всякие разговоры на эту тему. Внешне он притих, но сдаваться и не думал.

Кирос решил отыскать найденный им во время предыдущего плавания остров Сан-Бернар. Поэтому он распорядился идти курсом на северо-запад до 10°40' ю. ш. Корабли шли этим курсом до 19 февраля, а затем повернули прямо на запад. 21 февраля с «Сан-Педро» увидели землю и дали знать другим кораблям. На следующий день все три судна подошли к острову на близкое расстояние. Кирос приказал спустить две шлюпки и послал людей за водой. Но воду не нашли. Остров был необитаем, правда, на берегу испанцы обнаружили перевернутое старое каноэ. Остров, весь заросший лесом, выглядел очень привлекательно. Испанцы увидели много кокосовых пальм. Было множество птиц. Прибрежные воды изобиловали рыбой, омарами, крабами.

Кирос утверждал, что на таком острове должна быть вода и хотел на следующий день опять отправить людей на ее поиски, но главный кормчий возразил, ссылаясь на усталость команды. Кирос, который теперь постоянно себя плохо чувствовал, не стал спорить с де Бильбоа. Он понимал желание команды скорее достичь населенной земли, где уж наверняка будет и пища и вода, поэтому решил не рисковать, а продолжить плавание. Теперь Кирос поставил ближайшей целью достичь острова Санта-Крус, хорошо ему известного по путешествию с Менданьей. Корабли пошли дальше на запад. Ночью Кирос внезапно услышал крики. Он вышел из каюты и увидел двух дравшихся матросов и среди них де Бильбоа с обнаженной шпагой, которой он только что ранил одного из них. Кирос унял разбушевавшихся матросов, хотя едва держался на ногах от болезни. Ему трудно было даже громко говорить.

Корабли шли все тем же курсом. 1 марта ночью со шлюпа «Три волхва», шедшего впереди, раздался крик

«Впереди земля!» Вскоре со всех кораблей увидели огни костров на берегу. Утром, когда суда подошли к острову поближе, испанцы увидели два каноэ, но те не подошли к судам, хотя испанцы и звали аборигенов.

Когда корабли встали на якорь, появилось около десятка каноэ, быстро идущих к судам. Лодки подошли к кораблям, и испанцы увидели в них высоких, хорошо сложенных красивых людей. Они оглушительно трубили, танцевали, яростно жестикулируя. Несмотря на приглашения испанцев, аборигены не поднимались на палубу и ничего не ели из того, что давали им испанцы. Полученную еду они накалывали на острие дротиков и показывали остальным.

Островитяне буквально облепили шлюп, с удивлением его рассматривая. Один из них привязал веревку к бугшприту, и островитяне стали тянуть шлюп к берегу. Капитан «Трех волхвов», видя, с какой быстротой аборигены все это проделывают, приказал дать залп из мушкетов, чтобы напугать их. Но островитяне не испугались. Тогда испанцы обнажили шпаги и пытались ими отогнать их от берега, но аборигены хватали шпаги руками, не понимая их назначения. Только когда несколько из них были ранены, они отошли от кораблей.

В это время к кораблям подошло каноэ с высоким крепким человеком со свирепым лицом. Знаками он потребовал, чтобы испанцы сдались. В ответ раздалось два мушкетных выстрела. Однако человек продолжал с большим достоинством настаивать на своем. Видя, что ничего не может добиться, он вернулся к лодкам, поджидавшим его у берега.

Аборигены собрались на берегу и всем своим видом показывали, что готовы к войне. Вскоре ветер посвежел, и, хотя еще не стемнело, судам стало опасно находиться на таком близком расстоянии от берега. Кирос распорядился сняться с якоря и поднять паруса. К большому удивлению островитян, не понимавших, что же произошло, испанские суда стали поспешно отходить от берега.

Кирос послал за Торресом и, когда тот явился на флагманский корабль, приказал ему наутро послать вооруженный отряд на берег за водой и дровами. Торрес должен был сам возглавить отряд.

Утром Торрес попытался высадиться на берег, но аборигены воспрепятствовали этому. Тогда он приказал плыть к другому месту. С большим трудом из-за высокой волны отряду удалось выбраться на берег, причем солдаты потеряли немало кувшинов для воды и других вещей, а также несколько мушкетов.

Однако и здесь на берегу испанцев встретила большая толпа вооруженных островитян. Солдаты дали залп из мушкетов, ранив нескольких аборигенов. Это заставило последних отступить. Их вождь, сопровождаемый несколькими островитянами, подошел к испанцам с пальмовой ветвью в руках. Мир был заключен. Аборигены отошли к деревне в середине острова, расположившейся у озера. Испанцы остались на берегу. Через некоторое время к ним подошел мальчик и показал жеста-ми, что отдает себя в их распоряжение. Мальчик предложил солдатам несколько кокосовых орехов, давая понять, что может принести еще. Торрес подарил мальчику штаны и шелковую рубашку. Другие аборигены, видя, что их посланца хорошо приняли, тоже подошли к испанцам.

Начавшие устанавливаться дружественные отношения были прерваны действиями солдата, пожелавшего войти в жилище одного из островитян. Тот не пустил и ударил солдата дубинкой, прежде чем подросли другие испанцы. Прибежавший первым офицер по имени Галлардо выстрелил в островитянина. Последний, почувствовав, что ранен, и увидев кровь, смело напал на Галлардо. Тогда испанец обнажил шпагу и убил островитянина. Еще несколько аборигенов было убито. Остальные поспешили скрыться в лесу. Испанцы остались в деревне одни. Зайдя в дома жителей, они увидели множество красивых циновок искусной работы, различные украшения и перламутровые раковины. Испанцев восхитили большие каноэ — двадцать ярдов в длину и два в ширину, — в которых помещалось до 50 человек. Сами аборигены поразили испанцев своей красотой. Поэтому они назвали обнаруженную землю Островом Красивых Людей⁴.

Остров был плоский. Каких-либо источников воды

---

⁴ Вероятно, это был остров Ракаханга из северных островов Кука.

испанцы не обнаружили и решили, что аборигены использовали только дождевую воду.

Торрес, видя, что его экспедиция провалилась, поспешил увести своих людей к шлюпкам, и они вернулись на корабли.

Кирос повел суда дальше. Проходили дни, а остров Санта-Крус обнаружен не был. На кораблях все более ощущался недостаток воды. Люди роптали: земля, о которой говорил Кирос, не существует; он выдумал ее, чтобы заставить папу и короля дать ему корабли; их капитан думает лишь о своей собственной славе и готов обречь всех на смерть в пучине океана.

Кирос не смог проигнорировать эти высказывания. Он прямо и резко заявил своим людям: «Вы любите только сытно поесть и хорошо поспать, да поменьше работать, почаще жаловаться, постоянно ворчать и как можно меньше думать о цели нашего плавания».

25 марта, накануне пасхи, главный кормчий во всеуслышанье заявил, что, по его подсчетам, корабли находятся на расстоянии 2220 лиг от Кальяо и необходимо решить, следует ли идти дальше. Учитывая настроение экипажа, Кирос распорядился созвать совет. Два других корабля подошли к флагману. Их капитаны и штурманы собрались в каюте Кироса.

Кирос объявил, что собрал совет для того, чтобы каждый из присутствовавших высказал свое мнение, во-первых, о том, на каком расстоянии от Кальяо находится экспедиция, во-вторых, почему до сих пор не был обнаружен остров Санта-Крус, в-третьих, о дальнейшем маршруте.

Штурманы кораблей разложили свои карты. Сличение их показало большие расхождения относительно величины пройденного пути. Торрес указал на отсутствие у них достаточно четкого представления о пройденном расстоянии, на течения, препятствовавшие заданному движению кораблей, и, наконец, на то, что расстояние от Лимы до острова Санта-Крус первоначально было определено неправильно. «Все это, — утверждал он, — дает основание полагать, что никакой ошибки еще не произошло. Экспедиция должна продолжаться». Все присутствовавшие на совете, кроме главного кормчего, согласились с мнением Торреса. Хуан де Бильбоа упорно возражал, ссылаясь на то, что экспедиция длится

уже 94 дня и все еще не достигла Санта-Крус, в то время как предыдущее плавание к острову закончилось за 69 дней. Кирос обратил внимание на худшие условия, в которых проходило нынешнее плавание: много дней было потеряно из-за штормовой и штилевой погоды. Немало времени потратили и на остановки у встреченных островов. Если подсчитать все эти потери, то настоящее плавание продолжается фактически лишь 64 дня, и в запасе у них еще пять дней в сравнении с первым путешествием к Санта-Крус. Но дон Хуан не желал слушать Кироса, а распалялся все более. По его громогласным заявлениям выходило, что лишь он один верный слуга короля и надлежащим образом заботится о выполнении монаршей воли.

Тогда Кирос приказал Торресу арестовать дона Хуана и переправить его на «Сан-Педро». Главным кормчим Кирос назначил Гаспара Гонсалеса де Леса.

Корабли пошли дальше на запад. Прошедший сильный дождь дал возможность пополнить запасы пресной воды, и это обстоятельство несколько подняло упавший дух команды. Вскоре увидели и явные признаки приближения земли: плывущие кокосовые орехи и стволы деревьев, летящих птиц, направление течений и др. Поэтому корабли продолжали идти и ночью под малыми парусами, с зажженными фонарями. 7 апреля в три часа пополудни вахтенный с верхушки мачты флагманского судна закричал: «Вижу землю на северо-западе, высокую и темную». Этот давно ожидаемый возглас услышали сразу все. Корабли устремились к суше. На рассвете следующего дня испанцы были у берега, где был виден дым костров. С большим трудом удалось встать на якорь. Еще через день Кирос приказал Торресу отправиться с отрядом на шлюпке на берег для его изучения, а кораблям — искать подходящее место для стоянки.

Когда шлюпка подошла к берегу, аборигены из ближайшей деревни бросились бежать в глубь острова, оставив на берегу 150 вооруженных людей. Один из них вышел навстречу испанцам. Последние, чтобы испугать аборигенов, выстрелили из мушкетов. Островитяне бросились в воду, но человек, стоявший впереди, не испугался. Он подошел к испанцам и знаками попросил их не стрелять и положить ружья на землю. Своим людям

он также приказал сложить оружие. Затем он протянул руку Торресу в знак дружбы. Показав на свой головной убор, он дал понять пришельцам, что является вождем на этом острове. Его имя было Тумай. На вид ему было лет пятьдесят.

К испанцам подошел один из аборигенов. Он с удивлением рассматривал их, но и испанцы с не меньшим удивлением смотрели на него. Островитянин был светлож, с каштановыми волосами. Его звали Олан, но испанцы нарекли его Фламандцем.

По просьбе Торреса Тумай проводил испанцев в деревню и обещал сделать для них все, что в его силах. Торрес в знак благодарности подарил ему шелковую рубашку. К флагманскому кораблю была послана шлюпка с известием, что рядом с деревней есть место, где можно набрать воду, и что корабли могут встать на якорь неподалеку у берега.

На следующий день Торрес доставил Тумай на флагманское судно. Встретившись с Киросом, Тумай в знак мира поцеловал его в щеку. Кирос пригласил вождя за стол, накрытый к обеду, но Тумай решительно отказался что-либо есть. Кирос спросил его, видел ли он когда-нибудь корабли, похожие на их, на что Тумай ответил: не видел, но слышал о таких судах. Кирос узнал от вождя, что остров Санта-Крус находится рядом и отсюда даже виден его вулкан. Тумай сказал, что недалеко находятся еще несколько островов. Он пытался показать, в каком направлении они находятся, какого они размера и сколько до них дней пути, злобное или миролюбивое их население. И все это, конечно, знаками. Например, он широко разводил руки в стороны или, напротив, сводил их, показывая, какой из островов крупный, а какой — небольшой, указывал на солнце, а затем склонял голову на руку, закрывая глаза, загибал пальцы, таким образом показывая, сколько дней надо плыть до того или иного острова. Наконец Тумай дал понять, что хотел бы вернуться на остров, и Кирос отпустил его, вручив различные подарки.

На этот раз у испанцев установились дружественные отношения с аборигенами острова, который те называли Таумако⁵. Островитяне жили в просторных, хорошо

⁵ Один из островов в группе Дафф, расположенных к востоку от архипелага Санта-Крус.

убранных домах. Их большие, на 30—40 человек, каноз были хорошо приспособлены для длительных плаваний, даже имели специальные отделения для съестных припасов; луки были украшены перламутровыми раковинами. Испанцев удивило пристрастие этих «дикарей» к красоте. Тумаи распорядился снабдить испанцев дровами, водой и продовольствием. В ответ Кирос отослал аборигенам обычный набор подарков, припасенных для подобных случаев. Особое удовольствие жителей вызывали колокольчики. Эта идиллия продолжалась десять дней. 18 апреля на закате корабли отправились дальше. Испанцы и на этот раз остались верны себе в отношении островитян: получив все необходимое, они, покидая остров, похитили четырех его жителей. Правда, трое из них, бросившись с кораблей в воду, когда те уже отошли от острова, вплавь добрались до берега.

Кирос, имея на судах достаточные запасы дров, воды и продовольствия и видя, что ветер благоприятствует ему, решил не плыть к Санта-Крус, а повернуть на юго-восток и искать вожаделенную Южную Землю.

На третий день плавания с кораблей увидели остров. Торрес во главе небольшого отряда был послан на берег. Островитяне с великим почетом встретили испанцев, вручив им роскошную пальмовую ветвь. Но Кирос не хотел задерживаться на острове. Корабли пошли дальше. 22 апреля благоприятная до тех пор погода резко изменилась. Два дня продолжался сильный шторм. Когда 24 апреля небо очистилось и выглянуло солнце, Кирос приказал ставить паруса. «Какой взять курс?» — спросили его штурманы. «Пусть корабли сами изберут направление. Пусть бог ведет их!» — ответил Кирос. Корабли, предоставленные воле волн, повернули к юго-западу. Кирос приказал следовать именно этим курсом. Мечтательность в нем всегда преобладала над трезвым расчетом.

На рассвете следующего дня на флагманском судне раздался счастливый возглас вахтенного матроса Франциско Родригеса: «Впереди очень высокая земля!» Кирос назвал увиденную землю островом Святого Марка, ибо он был обнаружен в день этого святого.

В течение следующих трех дней испанцы обнаружили еще восемь островов. С одного из них, названного Дева Мария, они похитили двух жителей и вернули их на

остров через день, нарядив в шелковые рубахи, одарив ножами и зеркальцами. В ответ на это островитяне дали испанцам двух свиней, воду и фрукты.

29 апреля в три часа пополудни вахтенный матрос флагманского корабля увидел землю. Она, по-видимому, была огромна, так как занимала все пространство на юго-западе и юге. «Это был самый счастливый и праздничный день за все плавание», — заметит впоследствии Кирос в своих записках.

Корабли пошли прямо к этой земле, которую ликующий Кирос поспешил назвать Кардоной в честь герцога Сесы, полное имя которого было дон Антонио де Кардона и Кордова.

Подойдя ближе к земле, испанцы увидели на юго-востоке ее очень высокую горную цепь. Вершины гор скрывались в густых облаках. Кирос выслал вперед шлюпку с офицером и группой солдат для обследования подходов к берегу. К вечеру шлюпка вернулась, и офицер рассказал, что у побережья расположен вытянутый с севера на юг обитаемый остров, довольно скалистый, покрытый густым лесом. Остров отделен от остальной суши глубоким проливом.

Корабли пошли вдоль острова к западу. На берегу было видно много мужчин, вооруженных луками. Они что-то громко кричали испанцам. Но суда, не останавливаясь, продолжали идти своим курсом.

1 мая испанцы увидели огромную бухту, где и провели ночь. Кирос назвал ее заливом Сан-Фелипе-и-Сантьяго, ибо это был день этих святых. На следующий день Кирос послал Торреса с отрядом солдат на шлюпке на поиски подходящего места стоянки. В это время к кораблю подошли два каноэ с вооруженными аборигенами. Они громко выражали свою тревогу. С кораблей выстрелили, что еще более усилило беспокойство аборигенов. Они повернули каноэ к берегу и быстро скрылись.

3 мая пополудни на корабль вернулся довольный Торрес с солдатами: он обнаружил великолепное место стоянки и назвал его портом Вера-Крус. Корабли вошли в него и встали на якорь. На следующий день испанцы увидели на берегу множество людей. Кирос отправился на берег, думая взять нескольких на корабль, щедро их наградить и завязать таким образом дружественные отношения с местными жителями. Но у него ничего не

получилось. Аборигены знаками приглашали испанцев сойти на берег, но сами отказывались сесть в их шлюпки. Кирос возвратился на корабль ни с чем.

На другой день он послал Торреса с группой солдат на берег с той же целью. Испанцы, высадившись на берегу, увидели перед собой большую группу вооруженных аборигенов. Те провели на земле черту, как бы говоря, что не разрешают пришельцам ее переходить. Торрес приказал дать залп из мушкетов в воздух, как требовал всегда Кирос. Но один из солдат, не послушавшись команды, выстрелил в аборигена и убил его. Все находившиеся на берегу местные жители бросились в лес. Тогда солдат отрубил у убитого голову и ногу, а тело за оставшуюся ногу повесил на суку дерева. Остальные солдаты спокойно следили за действиями своего товарища, не только не делая никаких попыток остановить его, а, наоборот, поощряя его.

Через некоторое время к испанцам подошли три местных вождя, и те «вместо того, чтобы показать свое миролюбие и доставить их на корабль, — писал впоследствии Кирос, — показали им тело их товарища с отсеченной головой, залитое кровью, полагая, что эта жестокость послужит средством установления мира». Вожди в глубокой печали смотрели на изуродованное тело их соплеменника, а затем вернулись к своим людям. Раздались воинственные крики. С разных сторон на испанцев посыпался град стрел, дротиков, камней. Те отвечали выстрелами из мушкетов. Кироса, который следил за происходящим с борта флагманского корабля, все это очень огорчало. Он понимал, что мира с жителями открытой им земли уже не будет. Аборигены начали обходить небольшой испанский отряд, стремясь отрезать ему путь к шлюпкам. Кирос послал на помощь солдат, но ситуация для испанцев не улучшалась. Тогда Кирос приказал открыть огонь из корабельных орудий, и лишь это заставило аборигенов отступить.

Появился еще один отряд аборигенов, которые, громко трубя в раковины, шли к берегу, размахивая дубинками, дротиками и луками. Высокий старик, один из вождей, видевших тело соплеменника, вышел вперед и обратился к солдатам. «Я уверен, — писал позднее Кирос, — что он сказал, что они будут защищать свою страну против тех, кто в нее пришел, убивая ее жите-

лей. Восемь наших солдат были в засаде, и один из них случайно, как он утверждал после, убил этого вождя... Четыре туземца, глубоко опечаленные, подняли убитого на плечи и ушли в чашу леса; туда ушли и остальные жители, оставив деревню опустевшей».

Кирос прекрасно сознавал, какими бедствиями в дальнейшем грозили испанцам происшедшие события. Но огромная радость, которую он ощущал со времени прихода к этой огромной, как казалось, земле, стране его мечты, ибо Кирос был убежден, что достиг Южного континента, не давала надолго погружаться в мрачные думы. Надо было немедленно объявить открытую землю собственностью испанской короны и начать ее обживать.

Кирос приказал Торресу с отрядом солдат высадиться на берег и начать строительство укрепленного лагеря. Он назначил Торреса начальником лагеря. Работа на берегу закипела. Вскоре были сооружены форт и маленькая церковь «Мадонны из Лорето». Это место должно было, по замыслу Кироса, стать впоследствии городом, которому он уже придумал название Новый Иерусалим.

12 мая Кирос собрал экипажи всех трех кораблей и обратился к ним с речью, в которой подчеркнул величие предстоявших им дел во славу Испании. От них потребуются мужество, стойкость и упорство. Единая цель служения королю и католической церкви должна объединить их. Именно с этой целью, продолжал Кирос, он решил учредить Орден рыцарей Святого Духа, вступить в который должны все члены экипажей судов. «Во имя Святой Троицы, во имя Папы Римского, во имя Его Католического Величества дона Филиппа Третьего, короля Испании и моего повелителя, я, капитан дон Педро Фернандес де Кирос, даю каждому из вас этот голубой крест, который вы сейчас повесите себе на грудь, и он будет указывать на вашу принадлежность к рыцарям Ордена Святого Духа». «Теперь я, от имени его королевского величества, требую от вас лучшего выполнения своих обязанностей. Я хочу, чтобы вы почувствовали себя единым организмом, и я объявляю вам, что с этого дня ваши обязанности возрастут, как возрастут награды и наказания, которыми будут измеряться ваши хорошие и плохие поступки», — закончил свою речь Кирос.

С наступлением темноты на судах зажглась иллюминация, был устроен фейерверк, прозвучал артиллерий-

ский салют, раздался звон колоколов, зазвучала музыка. Кирос обратился ко всем присутствовавшим: «Господа, это канун давно ожидаемого мною дня. Пусть каждый получит то, что он желает!»

14 мая в день Святого Духа все офицеры, матросы и солдаты с голубыми крестами рыцарей Ордена Святого Духа сошли на берег, неся знамена своих кораблей. Племянник Кироса Лукас шел впереди с королевским штандартом, а Торрес нес крест, сделанный по приказу Кироса. Раздался залп из мушкетов. Кирос, встав на колено, воскликнул: «Честь и слава всевышнему!» А затем, коснувшись рукой земли, поцеловал ее и сказал: «О земля, которую многие так долго искали и которая так дорога мне!»

Торрес передал крест монахам, и все двинулись к церкви. Кирос установил крест у алтаря и приказал секретарю громко прочитать подготовленные заранее документы.

В первом документе «К воздвижению креста» говорилось: «Да будут свидетелями небо и земля, и море со всеми его обитателями, и все здесь присутствующие, что я, капитан Педро Фернандес де Кирос, в этих землях, которые до того не были известны, установил во имя Иисуса Христа... этот знак Святого Креста...» Затем секретарь прочел пять документов примерно одного содержания, в которых Кирос объявлял о вступлении Испании во владение открытой землей во имя Святой Троицы, Католической церкви, Ордена францисканцев, Ордена иоанитов и Ордена Святого Духа, только что им самим утвержденного. Шестой документ гласил: «Я, Кирос, беру во владение этот залив Сан-Фелипе-и-Сантьяго и этот порт, названный Вера-Крус, и это место, где будет основан город Новый Иерусалим, на 15°10' ю. ш., и все земли, которые я увидел и еще увижу, и всю эту область вплоть до Южного полюса, которая с этого времени будет называться Южная Земля Святого Духа⁶, со всеми землями, к ней относящимися, и это навсегда

---

⁶ Terra Austrialia del Espirito Santo. Таким образом, Кирос в самом названии открытой им земли хотел прославить имя своего государя. Он назвал ее не Terra Australis, как еще в античные времена картографы называли таинственный Южный материк, а Terra Austrialia, т. е. Австрия, владение Габсбургов, к дому которых принадлежал Филипп III, являвшийся эрцгерцогом Австрийским.

во имя дона Филиппа Третьего, короля Испании и Восточной и Западной Индий, моего монарха и повелителя, которому принадлежат эти корабли и по чьей воле и желанию они пришли сюда...»

Когда чтение документов было закончено, раздались громкие возгласы: «Многие лета королю Испании дону Филиппу Третьему, нашему повелителю!» Отслужили мессу, был дан артиллерийский салют с кораблей, устроен фейерверк. Находившиеся на берегу солдаты ответили залпами из мушкетов. На этом торжественная церемония закончилась, и начался пир.

Еще не кончилась сиеста, а Кирос собрал у себя высшие чины экспедиции и сказал им, что необходимо немедленно избрать должностных лиц города Нового Иерусалима, который станет столицей этого края. Тут же были избраны из числа членов экспедиции 14 городских советников, судья, начальник полиции, казначей и др. Все избранные должностные лица будущей столицы Южной Земли Святого Духа, приняли присягу на Библии, которую держал священник.

Прекрасное настроение не оставляло Кироса. Все на «его земле» восхищало его. «Я с полным основанием могу утверждать, — писал Кирос, — что более подходящего места, здорового и плодородного, лучше снабженного лесом, материалом для изготовления черепицы и кирпичей для основания большого города у моря с портом, с глубоководной рекой, с равнинами и холмами, горными долинами и ущельями, где отлично приживаются все растения из Европы и Индии, найти трудно. Нельзя найти ни порта, более удобного и снабженного всем необходимым, без каких-либо недостатков, ни лучшего места для сооружения дока, ни леса, деревья которого были бы более подходящими для постройки домов, бимсов, мачт... Нет такой другой земли, которая имела бы все так близко, под рукой, как эта... Рядом расположены семь островов, береговая линия которых растянулась на 200 лиг... Я никогда не видел в тех местах, где бывал раньше, таких преимуществ. Взять, к примеру, Акапулько, главный порт Мексики. Я утверждаю, что единственно, чем он хорош, — это гавань, в остальном же — частая облачность, отсутствие реки и нездоровый климат в течение почти всего года, жара, досаждающие людям москиты и другие насекомые, а также само

место его расположения — у подножия каменистых, лишенных растительности холмов, продовольствие, доставляемое сюда издалека и поэтому очень дорогое, и наконец, юго-восточные ветры, которые доставляют кораблям немало хлопот, — он довольно плох. Если взглянуть от Магелланова пролива на оба побережья с одной стороны до мыса Мендосино, а с другой — до Ньюфаундленда на протяжении 7000—8000 лиг, то обнаружится, что... такой порт, как Сан-Хуан де Уллоа не заслуживает вообще названия порта и города, что Панама и Пуэрто-Белло имеют много неудобств и что Пайта, Кальяо, Гавана, Картахена... и многие другие... нуждаются во многих необходимых вещах... Если мы посмотрим на побережье Испании, то тоже не обнаружим хорошего порта, поскольку ее земля производит лишь колочки, сорго, мирт и другие жалкие плоды... В апреле и мае фруктов нет».

Кирос расхваливал природу Земли Святого Духа, обилие фруктов и овощей, птиц, рыбы. Ему нравились ее жители. «Туземцы выглядят дородными, и не черные и не мулаты. Их волосы курчавы. У них хорошие глаза. Они опрятны, любят праздники и танцы под звуки флейты и барабанов... Они используют и раковины как музыкальные инструменты... Дома у них деревянные, с покатою крышей из пальмовых листьев и своего рода кладовой, где они хранят еду. Все их вещи содержатся в большой чистоте».

Кирос хочет лучше узнать открытую землю. Он еще и еще раз посылает Торреса во главе вооруженных солдат в деревни аборигенов. Но те, мужественно сражаясь, не дают пришельцам отойти от берега в глубь острова. Так, однажды Торрес с тридцатью солдатами вошел в очень красивую долину, где расположились несколько деревень местных жителей. Когда аборигены увидели испанцев, они вооружились и вышли им навстречу. Завязался бой, и испанцы начали отходить, захватив трех мальчиков, старшему из которых было лет семь, и 20 свиней. Аборигены окружили испанский отряд, не давая ему пробиться к берегу. Видя с борта флагмана бедственное положение отряда, Кирос приказал стрелять из пушек, и только это спасло солдат. Им удалось достичь места, где стояли шлюпки, и вернуться на свой корабль.

На следующий день аборигены напали на группу испанцев, высадившихся на берег, чтобы пополнить запасы воды. Затем они пытались разрушить церковь, и только вооруженному отряду, посланному Кирсом на двух шлюпках, удалось отогнать их.

В залив, где стояли испанские корабли, впадали две реки. Одну из них, напоминающую своими размерами, как писал Кирс, «Гуадалквивир у Севильи», с глубоким устьем, куда могли заходить «не только шлюпки, но и фрегаты», называли Иордан, а другую, расположенную к востоку от нее, несколько меньших размеров, — Сальвадор.

Торрес с отрядом солдат на шлюпе «Три волхва» был послан провести промеры глубины реки Иордан в ее устье. Он обнаружил, что не может достать дна. Шлюп пошел дальше по реке. Торрес и его спутники восхищались красотой ее берегов и чистотой воды. Испанцы высадились на берегу, где была расположена небольшая деревушка из четырех улиц. Два аборигена, следившие за высадкой испанцев, дали знать своим соплеменникам о появлении врага, и, когда испанцы вошли в деревню, она уже была пуста. Но вскоре они услышали воинственные крики. Большая группа аборигенов стремительно атаковала испанцев, вынудив их отступить к берегу. Там Торрес и его люди, не мешкая, сели на шлюп и вернулись к остальным кораблям, стоявшим в заливе.

21 мая испанцы с необычайной торжественностью отмечали праздник тела Христова. Все были на берегу, на кораблях осталось лишь по два человека. Мессу служили в празднично украшенной церкви Мадонны из Лорето. День был ясный. Воздух звенел от пения птиц. Кроны деревьев, ярко освещенные солнцем, слегка шелестели от дуновения ветерка, который не нарушал беспрдельной глади моря.

После мессы начался праздник. Несколько матросов, разодетых в красные и зеленые шелковые рубахи, исполнили зажигательный танец со шпагами. Им аккомпанировал на гитаре представительный пожилой моряк. Потом танцевали корабельные юнги в коричневых, голубых и серых шелковых рубахах, с венками на головах и пальмовыми ветвями в руках. Свой танец они сопровождали пением, а два музыканта аккомпанировали им

на тамбурине и флейте. Затем все направились к накрытым для пиршества столам.

Кирос решил пройти и в сопровождении нескольких офицеров отошел на расстояние лиги от берега. Дальше испанцы идти не решились, боясь нападения аборигенов.

Когда Кирос вернулся на корабль, он вдруг заявил, что поскольку местные жители не прекращают враждебных действий и справиться с ними невозможно, то завтра же они уйдут отсюда и будут искать другое место для колонии. Прошло всего три недели, как корабли бросили якорь в бухте Сан-Фелипе-и-Сантьяго. Торрес попросил отсрочки на день, поскольку еще раньше было решено, что на следующий день команды будут ловить рыбу для пополнения провизии. Кирос дал такое разрешение. Среди пойманных рыб было много каргуса, рыбы красноватого цвета. Съев ее, люди вскоре почувствовали себя плохо: началась рвота, на теле появились нарывы — все симптомы лихорадки. Целую неделю большая часть экипажей судов была тяжело больна. Надо заметить, что капитан Джеймс Кук, посетивший эти места в июле 1774 г., отмечал в своем дневнике, что и его люди, поев рыбу каргус размером с большого леща, сильно заболели. «На следующую ночь,— писал Кук 24 июля,— каждый из тех, кто ел рыбу, почувствовал страшную боль в голове и всем теле, сопровождавшуюся сильным жаром и потерей чувствительности в суставах. Свиньи и собаки, которым давали рыбу, тоже заболели и некоторые из них умерли. Прошла неделя или десять дней, пока все больные поправились».

28 мая, когда казалось, что болезнь начала проходить, Кирос приказал сняться с якоря. Но к вечеру больным стало опять так плохо, что Кирос задержал выход судов из бухты, а еще через день испанцы вернулись на прежнее место стоянки. Утром следующего дня с кораблей увидели множество аборигенов, собравшихся на берегу. Кирос приказал Торресу с отрядом солдат на двух лодках подойти к берегу и узнать, чего они хотят. Когда лодки приблизились к суше, аборигены начали стрелять из луков. Испанцы ответили залпом из мушкетов и вернулись на корабли.

Но Кирос опять послал Торреса с солдатами к берегу. При этом он распорядился взять с собой трех мальчи-

ков-аборигенов, захваченных ранее, чтобы аборигены убедились, что ничего плохого с ними не случилось. Кирос предположил, что именно в этом причина их враждебности.

Когда испанцы подошли к берегу, мальчики стали звать своих отцов, которые, хотя и слышали их, но не узнавали, так как дети были одеты по-европейски. Тогда шлюпки подошли еще ближе, чтобы с берега лучше было видно находящихся в них. Тут уж отцы узнали своих детей, и двое из них бросились в море навстречу шлюпкам. По взаимному согласию оружие было положено на землю. Начались переговоры. Аборигены стали предлагать испанцам кур, свиней и фрукты в обмен на трех мальчиков. Указывая на солнце, они дали понять, что уйдут и вернуться к полудню. Испанцы отправились на корабли. В назначенное время аборигены появились на берегу и начали трубить в раковины, вызывая испанцев. Те не замедлили прибыть к берегу, захватив трех ребятишек. Аборигены дали им одну свинью и попросили отдать детей. Испанцы не согласились. Тогда аборигены обещали привести на следующий день много свиней, предупредив, что подадут тот же сигнал.

Назавтра на берегу показались аборигены, дующие в раковины. Опять к ним были посланы шлюпки. Испанцы захватили трех мальчиков. Кроме того, на шлюпках была пара коз.

Выйдя на берег, испанцы увидели двух свиней, которых аборигены им предложили за детей. Испанцы не отдали им мальчиков, а, в свою очередь, предложили за свиней коз. Аборигены же просили вернуть детей и обещали привести больше свиней. Опять дело ничем не кончилось. К вечеру аборигены дали сигнал, и, когда испанцы на шлюпке подошли к берегу, они увидели двух местных жителей и возле них своих коз. Аборигены объяснили, что козы им не нужны. Испанцы заподозрили ловушку и, приглядевшись к близлежащему лесу, рассмотрели за деревьями множество аборигенов, вооруженных луками и дубинками. Поняв, что аборигены хотят захватить их в плен, испанцы, стреляя из мушкетов, отступили к шлюпкам, захватив своих коз, а затем вернулись на корабли.

Мальчики были страшно взволнованы. Старший из них — испанцы называли его Пабло, — обращаясь к Ки-

росу и указывая рукой на берег, повторял одно слово: «театали», что, очевидно, означало, что он хочет вернуться домой. На это Кирос ответил: «Спокойно, дитя! Ты не знаешь, о чем просишь. Тебя ждут более важные дела, чем встреча с родителями и друзьями!»

8 июня Кирос распорядился об уходе из бухты. Но сильный встречный ветер не позволил судам выйти в открытое море. После совещания со штурманами Кирос принимает совершенно противоположное решение: остаться здесь на зиму, возвести крепкие дома, засеять землю, построить бригантину и послать ее вместе со шлюпом исследовать открытую землю.

Корабли двинулись назад к порту Вера-Крус. «Сан-Педро» и «Три волхва», обогнав флагманский корабль, ушли вперед. Наступила ночь. Вставшие на якорь у самого входа в порт «Сан-Педро» и «Три волхва» зажгли огни, чтобы с флагмана их было видно. Но флагманский корабль никак не мог встать на якорь и, опасаясь натолкнуться в темноте на скалу, остановился в середине бухты, но сильный ветер погнал корабль к выходу из нее. К утру он был уже за пределами бухты и продолжал быстро удаляться. Три дня «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» пытался войти в бухту, но все было тщетно, и 12 июня 1606 г. Кирос приказал уйти в открытое море, так и не встретившись с двумя другими судами экспедиции.

Сказанное выше взято из записок Кироса. Примерно так же описывал происшедшее и главный кормчий экспедиции Гаспар де Леса. Командир же «Сан-Педро» Торрес в своей записке, посланной королю уже из Манилы 12 июля 1607 г., рисует совершенно иную картину: «Флагманский корабль покинул бухту в час ночи, не дав знать никому из нас и не подав никакого сигнала... И хотя на следующее утро мы отправились на поиски и сделали все возможное, обнаружить его мы не смогли... Таким образом, я был вынужден вернуться в бухту... мы оставались в этой бухте пятнадцать дней...»

А капитан Диего де Прадо-и-Тобар, находившийся вместе с Торресом, утверждал в письме к Филиппу III, посланному из Гоа много лет позднее, 24 декабря 1613 г., что на флагманском корабле в ночь на 12 июня 1606 г. произошел мятеж, Кирос был заперт в своей каюте, и судно скрылось в темноте.

Каждое из этих свидетельств грешит очевидной субъективностью. Кирос, с большими подробностями описывая даже незначительные детали своей экспедиции до 8 июня, весьма лаконично и мимоходом останавливается на том, как потерялись корабли, отводя этому лишь один абзац. Правда, он тогда был сильно болен и кораблем управлял, собственно, главный кормчий.

Гаспар де Леса, человек преданный Киросу, естественно, повторял версию своего командира, тем более что именно он фактически распоряжался на судне в то время.

Что касается Торреса, то он, несмотря на внешнюю лояльность по отношению к Киросу, не любил его. В упомянутом выше письме к королю Торрес посчитал нужным указать: «У меня характер, отличный от характера капитана Педро Фернандеса де Кироса». Капитан же Прадо абсолютно не переносил Кироса и строил всякие козни против него во время плавания. Кирос арестовал его вместе с Хуаном де Бильбоа и перевел с флагманского судна на «Сан-Педро». Впоследствии Прадо всячески чернил Кироса перед испанским монархом, о чем речь еще впереди.

Так что никаких свидетельств, которые можно было бы счесть достоверными, не существует. Поэтому можно лишь строить догадки, основываясь на интересах главных действующих лиц драмы, происшедшей без малого четыре столетия назад в неведомых водах величайшего из океанов нашей планеты.

Кирос упивался своим открытием нового и, как он считал, самого большого материка на земном шаре. Конечно, он жаждал скорее вернуться в Испанию и сообщить об этом своему монарху. Поэтому, когда исчезли из вида два других судна, Кирос не очень сокрушался и поспешил в Акапулько. В своих записках он впоследствии напишет: «Я понимал, что только корабль, на котором я находился, был в состоянии доставить известия об открытиях и их важности...» Судьба же экипажей других кораблей не особенно беспокоила Кироса. «Понятно, что если они спасутся, — писал он, — то сделают все, что в их силах, чтобы открыть побольше островов и доставить о них такие сведения, какие только можно получить с божьей помощью, и адмирал (т. е. Торрес. — К. М.) и его штурман Хуан Бернардо де Фу-

рентидиенья — люди, от которых можно ожидать великих дел...»

Торрес, прекрасно сознавая свои способности навигатора, стремился к самостоятельности. Часто он во время совместного с Кирсом плавания высказывал несогласие с его распоряжениями. Поэтому, потеряв своего капитана, Торрес отнюдь не впал в тоску и печаль. Прощая, по его словам, две недели флагманский корабль у выхода из бухты Сан-Фелипе-и-Сантьяго, Торрес вскрыл пакеты с приказами короля на случай гибели Кирса и, как потом писал Филиппу III, имел совещание с офицерами шлюпа. «Было решено, — писал Торрес, — что мы должны следовать им, хотя и вопреки мнению многих, я бы даже сказал, большинства...» Торрес и не собирался вести корабли к Санта-Крус, месту, избранному Кирсом на случай, если суда потеряют друг друга. Он, следуя приказу Филиппа III, определившего направление плавания к Новой Гвинее и Яве, повел корабли на запад, до 20° ю. ш. Достигнув этой широты и примерно на 160° в. д., Торрес повернул к Новой Гвинее, хотя экипажи судов требовали возвращения в Манилу.

Таким образом, можно предположить, что погодные условия действительно привели к тому, что корабли потеряли друг друга из виду. Но ни у Кирса, ни у Торреса не было особого желания встретиться. Все же Кирс более проявил себя джентльменом, правда, к этому его обязывала должность руководителя экспедиции. Несмотря на жгучее желание идти к берегам Америки, Кирс вначале решил все-таки идти к Санта-Крус и ждать там потерявшиеся суда.

18 июня «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» достиг широты острова, но его не было видно. Судно прошло либо западнее, либо восточнее острова.

Кирс принимает решение не искать остров, а, не теряя времени, идти на северо-восток в направлении Гуама, а оттуда к берегам Северной Америки. Ветры благоприятствовали ему. Плавание шло успешно: запасы воды пополнялись за счет обильных дождей, и каждый день матросы вылавливали много рыбы, которую и ели и солили про запас.

23 сентября с корабля увидели острова североамериканского побережья. 11 октября «Сан-Педро-и-Сан-Паб-

ло» прошел мимо мыса Сан-Лукас. Корабль был приведен в боевую готовность, ибо в этом месте английский капитан Томас Кавендиш захватил испанское судно «Санта-Анна». Но на этот раз все обошлось благополучно. Вражеские корабли не встретились, море было спокойно, небо безоблачно.

Когда 12 октября корабль подходил к Калифорнийскому заливу, погода резко изменилась. Подул сильный северный ветер, поднялись громадные волны. Судно бросало как щепку, заливало волной. Матросы не успевали откачивать воду. Положение казалось безнадежным. Внезапно к вечеру ветер стих, и удалось поставить парусá. Корабль вновь пошел вдоль побережья.

21 октября «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» бросил якорь в мексиканской бухте Навидад.

Во время плавания Кирос часто бывал болен. Когда разразился шторм у берегов Калифорнии, он был прикован к постели. В бухте Навидад Киросу стало совсем плохо. Жизнь, казалось, угасала в нем, но, преодолевая необыкновенную слабость, Кирос не прекращал командовать судном. По его приказу четверо матросов отправились на берег за пресной водой. Так как шлюпки были смыты волнами во время шторма 12 октября, матросы отправились на берег на наскоро сооруженном плоту. Они довольно быстро нашли воду, наполнили все захваченные ими 27 кувшинов и возвратились на корабль. Матросы сказали, что на побережье не видели ни людей, ни жилища. Это привело команду в уныние: измученные плаванием люди надеялись хорошо отдохнуть и сытно поесть в какой-либо близлежащей деревне. Прошли сутки. Два матроса попросили Кироса разрешить им отправиться на берег, обещая найти местных жителей. Кирос отпустил их.

Тем временем построили небольшую лодку, на которой тяжело больного Кироса, сопровождаемого группой солдат, перевезли на берег. Солдаты начали стрелять птиц, ловить кроликов, удить рыбу. Скоро уже были сделаны кое-какие запасы. К полудню к берегу подошли двое: испанец Херонимо де Сан-Лукар де Баррамедá и местный индеец. Дон Херонимо предложил свою помощь. Кирос попросил донá Херонимо передать вице-королю Мексики его письма. Он вручил ему деньги на покупку провизии и послал двух солдат помочь доста-

вить ее к берегу. На следующий день люди Кироса уже имели в достаточном количестве все необходимое. Вернулись и два матроса, обещавшие найти местных жителей. Они действительно привели с собой индейцев, нагруженных продовольствием.

Известие о прибытии в бухту испанского корабля быстро облетело всю округу. К берегу приходило множество местных жителей, доставлявших испанцам различную еду.

27 дней пробыл экипаж «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» на берегу бухты. За это время Кирос поправился и достаточно окреп. Отдохнули и его подчиненные. Пора было плыть в Акапулько. Но продолжать плавание захотели не все: 14 человек остались на берегу. 16 ноября «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» покинул бухту Навидад. Через неделю, 23 ноября 1606 г., корабль вошел в порт Акапулько. К чести Кироса надо отметить, что за все тяжелое и долгое плавание не погиб ни один матрос или солдат его экипажа. Была лишь одна смерть на корабле: 13 октября во время шторма у берегов Калифорнии умер пожилой и долго болевший корабельный священник Мартин де Монилла.

В то время как корабль Кироса шел к американским берегам, Торрес вел свои суда к Новой Гвинее. «У нас были тогда только хлеб и вода. Разгар зимы, море, ветер и злая воля экипажа — все против нас. Однако это не помешало мне достичь нужной широты (20° ю. ш. — К. М.), которую я пересек и достиг 21° ю. ш. Я пошел бы дальше, если б не погода; ведь корабль был надежный. Идя на указанной широте юго-западным курсом, мы не встретили никаких признаков земли».

Наконец 20 июля 1606 г. испанцы увидели сушу. Это была юго-западная оконечность Новой Гвинеи. «Отсюда, — писал впоследствии Торрес, — я повернул назад на северо-запад, к 11,5° ю. ш.: здесь мы увидели Новую Гвинею... Из-за погоды мы не смогли плыть в восточном направлении и потому пошли на запад вдоль побережья с южной стороны».

Так Торрес совершил плавание, обессмертившее его имя. Никто из европейцев до него не знал этого пути. «Вблизи берегов расположено множество обитаемых островов, — писал Торрес королю Филиппу, — у побережья

много бухт, часто очень больших, с впадающими в них крупными реками, много равнин... В этих бухтах я провозгласил власть вашего величества».

Плавание было трудным из-за многочисленных отмелей и рифов. Дойдя до 7,5° ю. ш., Торрес писал, что дальше двигаться вдоль побережья нельзя: слишком сильное течение, а в море множество мелей. Он повернул на юго-запад и спустился до 11° ю. ш. «Там были очень большие острова, а к югу виделись еще более крупные, — писал Торрес. — Они были населены черными нагими людьми очень представительного вида. Их вооружение составляли дротики, стрелы и каменные палицы. Мы захватили на этой земле двадцать человек из разных племен, чтобы отчитаться перед вашим величеством. Они смогут подробно рассказать о других народах, хотя пока они едва могут понимать друг друга». Это произошло в начале октября 1606 г. Торрес прошел мимо австралийского побережья у самой северной его точки — полуострова Кейп-Йорк. Затем он повернул на северо-запад и опять подошел к берегам Новой Гвинеи. Здешние жители отличались от аборигенов, виденных Торресом раньше. «У них, — сообщал он, — лучше украшения; они пользуются стрелами, дротиками, большими щитами и палками из бамбука, наполненными известью, выбрасывая которую, они ослепляют своих врагов. Наконец, мы прошли на запад-северо-запад вдоль берега, все время встречая этих людей, так как мы высаживались много раз; и везде мы объявляли власть вашего величества. На этой земле мы нашли изделия из железа, китайские колокольчики и другие предметы, которые свидетельствовали, что мы находимся недалеко от Молукк». Через Молуккские острова Торрес пошел к Филиппинским островам, и 22 мая 1607 г. «Сан-Педро» прибыл в Манилу. За время плавания Торрес, как и Кирос, потерял лишь одного человека. «Сан-Педро» был отобран у Торресса манильскими властями для местных нужд. Дальнейшая судьба этого выдающегося мореплавателя неизвестна. Он как-то сразу по приходе в Манилу ушел в тень. Сохранилось лишь неоднократно цитируемое выше его письмо Филиппу III, посланное из Манилы 12 июля 1607 г. и полученное королем 22 июня 1608 г. Его спутник Прадо-и-Тобар оказался счастливее: из Манилы он перебрался в Гоа, а потом вернулся в Испанию.

На следующий день по приходе в Акапулько Кирос вместе со всей командой высадился на берег и сразу же направился к церкви. Их окружили горожане и сопровождали до самой церкви. Моряки несли королевский штандарт. Впереди процессии шли мальчишки-аборигены Южной Земли, получившие христианские имена Педро и Пабло, одетые в новые костюмы (на европейский манер). Прослушав мессу, экипаж вернулся на корабль.

Кирос довольно быстро убедился, что у него имеется немало недоброжелателей, распространявших в Мексике всякие инсинуации относительно его самого и только что закончившегося путешествия. В свою защиту Кирос отправил вице-королю Мексики маркизу Монтес Кларосу письмо, в котором описал свое плавание. Одновременно он спрашивал у вице-короля, что делать с «Сан-Педро-и-Сан-Пабло». Последовал приказ маркиза передать судно властям в Акапулько, поскольку оно — собственность испанского короля. Выполнив это распоряжение, Кирос в первый день 1607 г. покинул Акапулько, взяв с собой мальчишков-аборигенов Педро и Пабло. Через семнадцать дней он прибыл в Мехико, где был принят вице-королем. Маркиз Монтес Кларос встретил его дружелюбно, ведь они вместе прошли через тяжелые испытания, когда корабль, на котором они плыли из Испании, разбился у южноамериканских берегов. Маркиз тогда только еще должен был вступить в свою должность вице-короля Мексики. Теперь же он заканчивал свою деятельность здесь, получив назначение в Перу тоже вице-королем.

Маркиз, выслушав подробный доклад Кироса о плавании и открытии Южной Земли, остался довольно равнодушным, дав понять, что все это дело относится к

компетенции центральной власти в Мадриде. Он лишь обещал Киросу всяческую помощь в Перу с организацией новой экспедиции к Южной Земле, если тот успеет вернуться в Лиму с соответствующим приказом из Испании до ухода маркиза с поста вице-короля Перу.

Кирос узнал, что недалеко от Мехико живет ушедший на отдых дон Луис де Веласко, который был вице-королем Перу, когда Кирос впервые предложил плавание к Южной Земле. Кирос отправился к нему. Дон Луис приветливо его встретил, с интересом выслушал рассказ о плавании, но признался, что практически ничем не может ему помочь.

Убедившись, что ни в Мехико, ни в Лиме не удастся добиться разрешения на организацию новой экспедиции, Кирос решил, не теряя времени, отправиться ко двору испанского короля.

В это время, к великому горю Кироса, один за другим умерли его любимцы Педро и Пабло. В глубокой печали Кирос покинул Мехико и направился к атлантическому побережью Мексики.

Кирос опять был без гроша в кармане, и ему не удалось бы добраться до Сан-Хуан де Уллоа, если бы не доброта некоего капитана Гаспара Мендеса де Веры, ссудившего Киросу небольшую сумму.

В Сан-Хуан де Уллоа вновь доброта людская помогла Киросу сесть на корабль, шедший в Испанию. Его взял как бесплатного пассажира капитан этого судна Леонардо де Ориа. Через месяц корабль был в Кадисе. Кирос сошел на берег, продал часть вещей и на вырученные деньги добрался до Севильи. Там он продал все свои пожитки, одолжил у двух своих знакомых 500 реалов и направился в Мадрид. 9 октября 1607 г. Кирос, истратив все до последнего реала, вошел в городские ворота столицы Испании.

Опять добрые люди помогли ему, дав кров и деньги. И Кирос начал новую битву с испанской бюрократией за Южную Землю. Ему надо было иметь дело главным образом с двумя могущественными ведомствами Испании: Советом по делам Индий и Государственным советом.

В течение первых одиннадцати дней пребывания в Мадриде Кирос никак не мог добиться приема у графа Лемоса, председателя Совета по делам Индий. «Нако-

нец он принял меня, — писал потом Кирос, — прочитал мой доклад и сказал: „Какие права мы имеем на этот район?“ Я ответил: „Те же самые, на основании которых мы владеем другими“». Кирос еще несколько раз встречался с графом Лемосом и все безрезультатно. В конце концов тот посоветовал ему добиваться аудиенции у короля, для чего предварительно посетить герцога Лерму, председателя Государственного совета.

Началось многомесячное хождение Кироса по канцеляриям, писание бесконечных памятных записок, раздаваемых членам Государственного совета, Совета по военным делам, Совета по делам Индий и т. п. «Многие из них, — писал Кирос, — относились с вниманием к моим запискам, видя их ценность. Но это не продвигало дела». Напротив, когда герцог Лерма переслал 6 марта 1608 г. подробную записку в Совет по делам Индий, Киросу сообщили, что ответ он получит через одного из членов Совета — дона Франсиско де Теяда. Последний же порекомендовал Киросу вернуться в Перу и там добиваться от вице-короля решения по своему делу. «Я ответил ему, — писал с возмущением Кирос, — что нельзя посылать меня в столь далекое путешествие по столь важному делу, не дав мне никаких распоряжений». И опять Кирос сел за составление новых записок. Но теперь у него появилась надежда, что ему все-таки удастся добиться положительного решения. В июне 1608 г. в Мадриде было получено письмо Торреса, направленное из Манилы, в котором он подтверждал открытие новой земли.

Но ожидания Кироса не оправдались. Тянулись месяцы, а решения все не было. «Я, капитан Педро Фернандес де Кирос, настоящим сообщаю, что послал уже восемь записок относительно организации поселения на земле, открытой в *Australia Incognita*, но до сих пор никакого решения или ответа мне сообщено не было, не было даже дано какого-либо знака, что я могу надеяться получить их, — писал Кирос королю в конце 1608 г. — Я уже четырнадцать месяцев нахожусь при дворе и четырнадцать лет я занимаюсь этим делом, не получая ни денег, ни какой-либо другой выгоды, думая лишь об успехе предприятия. Я прошел по суше и морю 20 000 лиг, истратив все мое состояние и страдая множество раз от таких страшных вещей, что мне самому

они кажутся неправдоподобными; я прошел через все это только для того, чтобы эта угодная богу и благородная работа не прекращалась. Во имя этого и во славу божью я почтительнейше прошу ваше величество разрешить мне после столь большого и продолжительного труда собрать плоды его...

Огромность земли ныне открытой, судя по тому, что я сам видел, и по данным, сообщенным вашему величеству капитаном доном Луисом Ваэсом де Торресом, моим адмиралом, совершенно очевидна. Ее размеры больше, чем вся Европа, включая острова Средиземного моря и Атлантического океана, вместе с Англией и Ирландией, и Малая Азия вплоть до Каспия и Персии. Эта неизвестная ранее часть земли составляет одну четвертую мира и, таким образом, вдвое превышает королевства и провинции, которыми ваше величество до сих пор владеет с помощью божьей, и это без соседства с турками или маврами или другими народами, которые являются причиной беспорядков и беспокойства на Ваших границах.

Эта земля расположена в тропической зоне и доходит до экватора, а оттуда простирается примерно до 90°; и если она расположена так, как можно предположить, то эта земля является антиподом к большей части Африки, всей Европе и значительной части Азии.

Я хотел бы заметить, что земли, мною виденные на широте 15°, лучше, чем в Испании, другие, расположенные выше, должны представлять собой земной рай. Население многочисленное, цвет кожи у людей различный: белый, коричневый, есть мулаты с различными оттенками кожи, есть индейцы и люди смешанной крови. У некоторых черные густые и прямые волосы, у других они короткие и курчавые, есть и с прекрасными рыжеватыми волосами: эти различия указывают на многочисленные связи и торговлю. По изложенным выше причинам, как и благодаря превосходной земле и отсутствию орудий смерти — артиллерии и огнестрельного оружия, а также вследствие того, что они не работают в серебряных или других рудниках, и по многим другим причинам, тамошнее население очень многочисленно. Но они не знают никаких искусств, у них нет ни крепостей, ни армии, ни кораблей, ни законов. Это просто язычники разделенные на племена, находящиеся не в слишком дружественных

отношениях между собой. Их оружие: луки и стрелы без яда, дубинки, палки, дротики и копья. Мы находим, что они порядочные, чистоплотные, дружелюбные, разумные и отзывчивые люди. По всем этим причинам есть основание надеяться, что с божьей помощью и используя мягкие средства будет очень легко умиротворить и воспитать их... У них деревянные дома, покрытые пальмовыми листьями. Они пользуются глиняными горшками, плетут из тростника одежду и циновки. Они обрабатывают камень и кораллы, делают флейты, барабаны и ложки из дерева. У них есть места для молебствий и погребений. Хорошо обработанные участки земли они, как правило, огораживают рвами и палисадами. Они широко используют раковины, изготавливая из них резцы, пилы, а также ожерелья. Лодки островитян сделаны добротно и пригодны для плавания от одного острова к другому. Вообще есть определенные свидетельства о соседстве с более цивилизованными народами.

В качестве хлеба они используют три вида кореньев... Масса прекрасных фруктов: шесть видов бананов, миндаль четырех видов, земляные орехи, апельсины и лимоны, которые туземцы не едят, и другие... Из овощей мы видели тыкву, портулак и фасоль. Мясная пища состоит из домашних свиней, похожих на наших, кур, каплунов, уток, голубей, коз, которых видел другой капитан; и, кроме того, туземцы говорили нам о коровах и буйволах. Рыбы также в изобилии. Всего этого, должно быть, огромное количество, ибо все, о чем я упоминал, было недалеко от кораблей... Следует заметить, что многие из продуктов такие же, как наши, а другие могут здесь производиться, поскольку эта земля пригодна для выращивания всех растений, произрастающих в Европе.

Здесьнее богатство — это серебро и жемчуг, я видел их сам, и золото, которое видел другой капитан, о чем он сообщает в своей записке. Здесь есть много различных специй: мускатные орехи, перец и имбирь...; сырье для производства шелка; имеются алоэ, сахар и индиго, а также в достаточном количестве эбеновые деревья и другие виды деревьев, необходимых для строительства судов... Кроме того, расположение этой земли убеждает нас в том, что здесь наверняка существует много других источников богатства. Испанская промышленность уси-

лится за счет использования туземных продуктов, так же как наша деятельность здесь сделает товары этой страны лучше и доходнее, чем в Перу или Новой Испании.

Все вместе взятое говорит за то, что эта богатая страна сможет одна снабжать Америку и обогащать Испанию. Я докажу это, если мне окажут помощь. Я заявляю, что все увиденное и описанное встретилось лишь на морском берегу; и, следовательно, в глубине страны будут найдены огромные, дотоле невиданные богатства. Необходимо отметить, что моей главной задачей было найти большую землю. Я сделал это, но вследствие моей болезни и по другим причинам, которые я умолчу, мне не пришлось увидеть всего... Порт Вера-Крус способен вместить в себя тысячу кораблей... Здесь может быть построен многонаселенный город. Жители его смогут сообщаться с провинциями Чили, Перу, Панама, Никарагуа, Гватемалы, Новой Испании, Тернате и Филиппинами, всеми провинциями, которыми владеет ваше величество. Эта земля является ключом к ним и, будучи присоединена к вашим владениям, станет источником громадных доходов и принесет много другой пользы. Я не преувеличу, если скажу, что здесь могут поселиться двести тысяч испанцев... Все это... я сделал, как преданный вассал вашего величества, и ваше величество... может добавить к вашему титулу еще и владение Южной Землей Святого Духа... Я уверен, полагаясь на справедливость, великодушие и христианское благочестие вашего величества, что дело относительно заселения недавно открытых земель будет рассмотрено с должным вниманием... Я, мой повелитель, молюсь о том, чтобы меня послали в эти земли...»

Ответа от короля не последовало. Это может показаться странным. Ведь Кирос предлагал Филиппу III вступить во владение самой большей частью света. И надо сказать, что его сообщения об открытии новой земли не вызывали тогда сомнений. Все имевшиеся в те времена сведения говорили в пользу существования гигантской по размерам Южной Земли. А Филипп молчал. Кирос продолжал пребывать в полной нищете. Никто не интересовался им. Парадоксальная ситуация!

Испанское правительство не отвечало Киросу не потому, что не верило в его открытие, а, напротив, именно потому, что оно представлялось вполне реальным.

Положение страны резко изменилось со времен Колумба. Пиренейская монархия дряхла. Она еще была могущественной державой, но контролировать громадные заморские владения становилось все труднее. Взлет и падение, сила и слабость Испании как крупнейшей колониальной державы в значительной степени объясняется социально-политическим строем. Абсолютизм феодальной монархии позволял сконцентрировать силы и средства государства для создания мировой империи.

После захвата новых богатых земель в метрополию потекли драгоценные металлы, дорогие пряности и ткани. Но все это сосредоточивалось в руках дворянства и церкви. Накопленные богатства создали видимость государственного могущества и позволили Испании заниматься «мировой политикой». Опьяненная легкой добычей, деспотическая власть стремилась к новым и новым территориальным захватам в самых различных местах земного шара. Для этого приходилось постоянно содержать огромную армию и флот, вести непрерывные войны. Собственная промышленность и сельское хозяйство не развивались. Возник своего рода порочный круг: чем больше феодальное государство приобретало колоний, тем слабее оно становилось.

Огромный приток драгоценных металлов вызвал «революцию цен» сначала в Испании и Португалии, а затем и в других странах Европы, что способствовало развитию капитализма в ряде европейских стран. Пиренейские государства с их слабой экономикой были не в состоянии сами использовать полученные ими богатства, и последние быстро переходили в руки голландской и британской буржуазии.

Таким образом, абсолютистские государства Пиренейского полуострова, породив европейский колониализм, в большой мере способствовали первоначальному накоплению и тем самым укреплению своего врага — европейского капитализма.

И Совет по делам Индий и Государственный совет считали, что новые земли, открытые Кирсом, в случае присоединения их к испанским владениям и действительного их освоения лишь ослабят страну. Надо было думать не о приобретении новых владений, а о сохранении уже имевшихся. Так, в своем докладе королю в сентябре 1608 г. Государственный совет сообщал о своем согла-

сии с мнением Совета по делам Индий, что открытие Кироса повлечет за собой утечку населения из Испании, где и так уже ощущается недостаток людей. Вражеские государства будут пытаться захватить эти земли, что еще более осложнит положение Испании, ибо она и сейчас с большим трудом может защитить то, что «уже завоевано», а на удержание новых земель нет ни средств, ни сил. «Этот Кирос хочет быть вторым Колумбом, — говорилось в докладе Совета, — но его желаниям не следует потворствовать».

Чтобы не доводить Кироса до отчаяния и не толкнуть его, таким образом, на передачу своих открытий врагам Испании, Совет рекомендовал, учитывая обширнейшие знания и опыт Кироса, назначить его космографом.

Кирос с негодованием отказался от этой должности. Фанатически преданный своей идее, он продолжал писать записки правительству, а потом стал добиваться личной аудиенции у короля. Наконец, в начале 1609 г., по поручению Филиппа, Кироса принял маркиз де Велада, гофмаршал короля. Кирос подробно описал ему все плавание к Южной Земле, показал все документы и карты. Маркиз с большим вниманием его выслушал и в конце встречи обнадежил, сказав, что надеется на благоприятный исход его дела. И действительно, казалось, что дела Кироса пошли на лад. 7 февраля последовал королевский указ о тщательном рассмотрении его записок и выделении ему некоторой суммы денег. Но затем вновь потекли бесплодные месяцы. «После нескольких совещаний и приказа представить отчет о расходах экспедиции вышел другой приказ передать дело в Совет по делам Индий, где, — писал Кирос, — я должен был начать все сначала...»

Лишь в конце 1609 г. Киросу вручили королевский приказ следующего содержания: «Король. — Маркизу Монтес Кларосу, моему кузену, вице-королю, губернатору и капитан-генералу провинций Перу; или к лицам, могущим выполнять эти обязанности. Капитан Педро Фернандес де Кирос, который, как вам было сообщено, предпринял плавание с целью открыть неизвестную землю на юге, обратился ко мне, поскольку своим распоряжением, переданным через мой Государственный совет, я повелел ему сделать указанные открытия, а вице-королям, вашим предшественникам, снабдить его всем необ-

ходимым для путешествия. 21 декабря 1605 г. Кирос отправился из порта Кальяо на двух кораблях и шлюпе, имея на борту команды и все необходимое, и шел на запад-юго-запад, пока не достиг 26° ю. ш. Он открыл на своем пути двадцать островов, двенадцать из которых населены различными племенами, и отдельные части земли, которая, как он считает, представляет собой континент, а также большую бухту с хорошим портом; отсюда он отправился на трех судах с намерением исследовать обширную и высокую горную цепь, расположенную на юго-западе, по возвращении в указанный порт один корабль и шлюп встали там на якорь. Но судно, на котором находился Кирос, не смогло этого сделать и было вынесено из бухты; по этой причине и по многим другим он прибыл в порт Акапулько, откуда вернулся в Испанию в 1607 г., чтобы дать мне отчет о результате плавания. Он утверждает, что земля, открытая им, красива, с умеренным климатом и что там произрастает много различных видов плодов; жители оседлы и готовы принять нашу веру...

Его единственной целью и намерением является служить нашему господу и продолжить то дело, которому он посвятил так много лет, страдая от лишений и трудностей, и потому я повелеваю, чтобы его обеспечили всем необходимым для осуществления плавания и создания поселения, для чего ему следует передать тысячу человек, и среди них двенадцать монахов Ордена святого Франциска или капуцинов... а также доктора, хирурга, парикмахеров, лекарства. Необходимо, чтобы в этих провинциях (Перу. — К. М.) ему выделили корабли, пушки, мушкеты, аркебузы и другое оружие и все необходимые припасы и, кроме того, определенное количество товаров для обмена с туземцами, листовое железо и орудия для обработки земли и работ в шахтах.

По причине моего пожелания, чтобы указанное поселение на открытой земле было создано во имя спасения душ туземцев, я приказал означенному капитану Педро Фернандесу де Киросу при первой же возможности вернуться в Перу, а вам приказываю, как только он прибудет, сделать все необходимые распоряжения о его экспедиции, снабдить его всем, что потребуется в путешествии, за счет моей королевской казны, так, чтобы

все было сделано быстро, без чинения каких-либо препятствий... Еще раз приказываю снабдить капитана Кироса всем необходимым и быстро... этим вы хорошо мне послужите».

Казалось бы, все в порядке, нужно скорее отправляться в Севилью, а оттуда в Америку. Но Кирос не был уже молодым, житейски неопытным человеком. Он хорошо помнил свой первый опыт с организацией плавания к Южной Земле, те мучения, которые ему пришлось испытать, несмотря на имевшиеся у него королевские приказы, написанные столь же категорично.

В полученном Киросом приказе не было сказано ничего определенного ни о размере ассигнований на предстоящее плавание, ни о порте в Перу, откуда он должен был его начать, ни о его полномочиях. «Памятуя о том, как плохо выполняются приказы его величества в отдаленных провинциях, даже если они составлены очень напыщенно, — писал Кирос, — я снова начал посылать многочисленные памятные записки с указанием суммы, которая мне потребуется (50 000 дукатов), и какие добавления следует сделать. Кроме того, я послал подробный отчет, как я истрачу все, что мне будет дано на экспедицию». Кирос продолжал посылать свои записки королю и его советникам, и наконец 1 мая 1610 г. секретарь Государственного совета сообщил ему, что его просьбы относительно размера расходов на экспедицию и включения дополнительных указаний в королевский указ приняты, и он скоро получит новый приказ короля. Кирос пояснил этому сановнику, что лично ему ничего не нужно, он может вполне удовлетвориться жалованием корабельного слуги, лишь бы на проведение экспедиции было дано достаточно средств.

Королевского приказа все не было. Опять Кирос метался между Государственным советом и Советом по делам Индий. Лишь 1 ноября 1610 г. в Совете по делам Индий Киросу вручили пересмотренный королевский приказ.

Прочитав его, Кирос обнаружил только две новые детали: указывалась сумма в 6000 дукатов на проведение экспедиции и количество листового железа, которое он мог взять с собой. Все остальное было без изменений.

Опять Кирос сел за составление памятных записок

королю и его приближенным, и опять потянулись долгие месяцы и даже годы бесплодного ожидания.

«Все записки, — грустно замечал Кирос, — принимались хорошо, но, к несчастью, мой отъезд откладывался, и по прошествии многих лет секретарь Государственного совета Хуан де Эириса передал мне письмо следующего содержания: „Его величество, разобравшись в деле капитана Кироса, решил, что в таком важном деле необходимо поступать осмотрительно и быть уверенным в последствиях каждого шага... Для этого он (Кирос. — К. М.) должен вернуться в Перу и следовать указаниям, которые будут ему даны вице-королем...“» Это было уже в начале 1614 г. Чтобы получить такое письмо, Кирос, по его словам, «потратил пятьдесят месяцев и отправил пятьдесят памятных записок».

Но Кирос и на этот раз не сдался, а продолжал борьбу. Вел он ее совершенно один, никто не поддерживал его. Более того, враги Кироса направили королю злобные клеветнические письма на него. Первым выступил дон Фернандо де Кастро, муж донны Исабель. В письме Филиппу III, отправленном из Лимы 29 декабря 1608 г. и рассмотренном Государственным советом 28 декабря 1609 г., дон Фернандо, в частности, писал: «В эту провинцию (Перу. — К. М.) прибыли монахи, которые были с означенным Педро Фернандесом де Киросом и расстались с ним в Акапулько в Новой Испании, когда он вернулся. Они говорят, что означенный Кирос не выполнил инструкции, данные ему вашим величеством; когда следовало исследовать то, что было в поле зрения в течение нескольких часов, он повернул назад вопреки мнению самых знающих людей, которые находились с ним. Он не внял доводам, представленным этими опытными людьми... Они считают, что земля, которую он открыл и объявил собственностью вашего величества, — часть Новой Гвинеи, открытая более пятидесяти лет назад; с тех пор ее много раз видели те, кто плавал к Филиппинам и Соломоновым островам, которые находятся рядом с ней... Таким образом, он не открыл новой земли... то были Соломоновы острова, которые, как я уже говорил, находятся рядом с Новой Гвинеей. Управление ими перешло ко мне после смерти Альваро де Менданы, что подтверждается бумагами, переданными моим агентом в Государственный совет...

Я молю ваше величество не разрешать означенному Педро Фернандесу де Киросу предпринимать действия, которые нанесли бы мне ущерб. Когда я вернусь в Испанию, я буду просить ваше величество о справедливости и о том, чтобы означенный Педро Фернандес де Кирос был бы остановлен в своих действиях...»

Диего де Прадо-и-Тобар, обосновавшись в Гоа, тоже посылал королю письма, наполненные ядом клеветы. В одном из них, от 24 декабря 1613 г., полученном в Государственном совете 12 октября 1614 г., Прадо писал о Киросе: «Его собственные товарищи сказали маркизу Монтес Кларосу, что это за человек — его вполне можно определить как лунатика. Я не знаю, какое уважение могут испытывать испанцы Перу к этому португальцу, который только вчера был писарем на торговом судне. Если бы они его знали так же хорошо, как капитан Фелипе Корсо, они поняли бы, какой это низкий и лживый человек...»

В другом письме испанскому монарху, отправленном буквально на следующий день, Прадо обвинял Кироса в смерти Менданьи, в том, что по его вине не были осуществлены главные цели экспедиции. «Вы, ваше величество, — писал Прадо, — должны понять, что означенный Педро Фернандес де Кирос — лжец и мошенник... Ваше величество не должны доверять человеку, против которого подняли мятеж матросы, презиравшие его за то, что он жил на Руа Нова в Лиссабоне, этом рассаднике лжи, хвастовства и беспорядков». И дальше: «Он был писарем на торговом судне; этот человек причина того, что губернатор Менданья потерял свой флот — это может подтвердить капитан Фелипе Корсо».

Надо сказать, что все эти письма не отбрасывались с негодованием, а внимательно читались членами Государственного совета и влияли на их отношение к Киросу. Так, резолюция Совета по цитируемым выше письмам Прадо была такова: «Эти письма должны, учитывая их содержание, сохраняться для принятия необходимых мер, если таковые впоследствии понадобятся».

Советники короля, водя Кироса за нос, всячески задерживая ответ, в то же время очень опасались, чтобы о его плавании и открытиях не узнали другие европейские державы. В письме Государственного совета королю от 31 марта 1613 г. говорилось, например: «Капитан

Педро Фернандес де Кирос, которому ваше величество приказали готовиться к возвращению в Перу, чтобы обеспечить занятие и заселение неизвестной Южной Земли, представил несколько памятных записок в Совет, а недавно еще одну очень подробную, где он касается своей экспедиции и косвенно многих других дел, относящихся к управлению Индиями, а также иных предметов, которые лучше было бы не затрагивать; он передал и распространил эти памятные записки среди различных людей, как ваших подданных, так и иностранцев, что может повлечь за собой серьезные неудобства, например, сведения об этих землях и пути к ним, собранные иностранцами, могут быть переданы ими своим согражданам, а кроме того, большинство дел, рассматриваемых в упомянутых записках, излагается в искаженном виде. Поэтому желательно, чтобы ваше величество приказали изъять эти памятные записки и бумаги, которые были напечатаны, вместе с их оригиналами и чтобы никакие другие не печатались без разрешения вашего величества, сообщенного Совету».

На этом письме Филипп III собственноручно начертал: «Приказываю означенному Киросу собрать эти бумаги и секретно передать их чиновникам Совета по делам Индий».

Лишь один голос прозвучал в защиту Кироса, но уже после его смерти. Это был голос священника и космографа доктора Хуана Луиса Ариаса де Лойолы. В 1615 г. он послал Филиппу III обширную памятную записку. В ней доктор Ариас, выступая от имени Ордена францисканцев, писал о желании Ордена распространить христианство среди народов Южной Земли, ибо Орден считает эту задачу «одним из важнейших мероприятий, предпринимавшихся до сих пор католической церковью». «Все мы, ее верные сыновья, — продолжал доктор Ариас, — обязаны сделать все, что в наших силах, чтобы осуществить ее. Ибо англичане и голландцы — еретики, подстрекаемые дьяволом, — алчно рыщут, пытаются разведать, открыть и захватить важнейшие порты этой огромной земли и создать там зловернейшие очаги их вероотступничества. Они всячески стремятся опередить нас, несущих истинный свет Евангелия».

Доктор Ариас подробно изложил королю все имевшиеся в то время сведения о величине Южного матери-

ка, чтобы монарх лучше представлял величие задачи католической церкви в этой части света. «Чтобы это понять, — писал он, — необходимо представить себе сначала, что земной шар делится на две равные части экватором, одна из которых простирается от экватора до Арктического полюса, образуя северное полушарие, где расположены Азия, Европа и основная часть Африки, о которых в настоящее время все известно. В другой половине — от экватора до Антарктического полюса — находятся Америка и все южные земли. Открытие земель и распространение христианства в этом полушарии и должно быть теперь предметом обсуждения. Необходимо принять во внимание, что сейчас южное полушарие, за исключением Африки от экватора до мыса Доброй Надежды, а также Перу от широты, проходящей недалеко от Кито у того же экватора, до Магелланова пролива и на небольшом пространстве к югу от этого пролива, остается неоткрытым, т. е. чуть менее половины земного шара, суши и моря. Там должна быть распространена вера господня. Это открытие и евангелистское завоевание — важная часть обязательств, которые должна выполнить Испания в соответствии с предписаниями католической церкви и ее главы...»

Доктор Ариас указывал на важные открытия, сделанные Менданьей, Кирсом и Торресом в Тихом океане, основываясь на которых можно осуществить эту великую задачу. «Если ваше величество, — писал Ариас, — не одобрит эту миссию или воспрепятствует ее осуществлению, то это приведет к самому большому несчастью, которое только может случиться с Испанией, и станет явным знаком того, что господь отвернулся от нас; и сейчас уже похоже, что господь недоволен тем, что мы не пытаемся выполнить задачу, поставленную перед нами и которая так важна для Испании и всех владений вашего величества».

«В то же время, — продолжал Ариас, — вы не можете себе представить, каким благом для вашего королевства явится быстрое и полное осуществление этой цели, как поднимет оно престиж Испании, ее положение в Европе. Поэтому, ваше величество, не прислушивайтесь к доводам тех, кто, вероятно, убеждает вас, приводя политические причины, что ваше величество не в состоянии распространять свою власть на новые земли таких

огромных размеров и будет вполне достаточно, если вы сохраните прежние».

Но это было потом, а в 1614 г. Кирос в полном одиночестве продолжал борьбу. «На последний приказ короля, — писал Кирос, — я ответил, что смогу уйти в плавание лишь с основательными документами, написанными ясно и четко». Но никакого ответа на свои просьбы Кирос не получал — ни положительного, ни отрицательного. Государственный совет пересылал получаемые записки Кироса в Совет по делам Индий, и там они исчезали.

Председателем Совета по делам Индий был назначен дон Луис де Веласко, и Кирос надеялся, что тот будет помогать ему, ибо был человеком, как замечал Кирос, «который первым познакомился с моим проектом еще в Перу и получил исчерпывающие объяснения, но он оказался наименее благосклонным».

Упорство Кироса возбуждало лишь острое недовольство советников короля, мечтавших как бы от него избавиться. Решили воспользоваться тем, что в Перу был назначен новый вице-король дон Франсиско де Борджиа. Договорились под большим секретом (об этом знало лишь несколько высших сановников страны) обмануть Кироса. Был разыгран целый спектакль. Ничего не подозревавший Кирос, измученный годами борьбы за осуществление своей идеи, так пишет в своих записках о последних днях пребывания в Мадриде. «Наконец, когда дон Франсиско де Борджиа был назначен вице-королем Перу, оба Совета предложили мне отправиться с ним, заверяя меня, что он получил строгий приказ отправить меня в плавание как только я прибуду в Кальяо, обеспечив всем необходимым. Состоялась встреча в доме президента Совета по делам Индий, на которой присутствовал новый вице-король. Он заверил меня, что все будет полностью выполнено, никто не сможет обвинить его в том, что он чего-либо для меня не сделал, поскольку он ревниво относится к своей репутации. Услышав все это, я в течение стольких лет ничего не добившийся и потерявший все надежды, решил отдать в его руки себя и цель своей жизни. Он сказал: „Верьте мне и увидите, что я сделаю“. После этого я рассказал ему о своих делах... Вице-король вручил мне следующий сертификат: „Дон Франсиско де Борджиа... вице-король и

капитан-генерал Перу: Я удостоверяю, что его величество приказал мне взять с собой капитана Педро Фернандеса де Кироса и отправить его из порта Кальяо в Южную Землю; это будет сделано, как только состояние дел в Перу позволит это осуществить. Дано в Мадриде 21 октября 1614 г.“»

Кирос отправился в Америку полный радужных надежд. Но он не добрался до Лимы. Смерть настигла его в Панаме летом 1615 г. Кирос не узнал, что вице-король получил от Филиппа III строжайшее предписание задержать его в Лиме и ни в коем случае не отправлять в новое плавание.

Не узнал Кирос и того, что не открыл Южный материк. Земля, где основал он Новый Иерусалим, была небольшим островом (в двадцать раз меньше Сицилии), находящимся в архипелаге, названном позднее сначала Большими Кикладами, а потом Новыми Гебридами. Если бы не враждебность местных жителей, то пройдя от берегов в глубь острова километров двадцать, Кирос оказался бы на другом берегу. В то же время, если бы Кирос продолжил свое плавание на юго-восток, как и предполагал первоначально, то действительно обнаружил бы Южную Землю, пятый континент планеты, названный впоследствии Австралией.

Но все это если бы... На самом деле Кирос нашел маленький остров, думая, что открыл крупнейший из континентов земного шара, а его товарищ по плаванию Торрес прошел совсем рядом с пятым континентом, будучи уверенным, что встретил остров, один из многих, попадавшихся ему на пути.

По-разному сложилась судьба открытий Кироса и Торреса.

Содержание памятных записок Кироса королю так или иначе стало широко известно в Европе. Южная Земля Святого Духа наносилась на карты европейскими картографами в течение более полутора сотен лет после плавания Кироса, возбуждая интерес нескольких поколений мореплавателей. Открытие же Торресом пролива между Австралией и Новой Гвинеей было так надежно спрятано в испанских архивах, что человечество узнало об этом лишь спустя более ста шестидесяти лет после его плавания. Испанская монархия, как собака на сене, ни сама не воспользовалась открытием своего

подданного, ни позволила сделать это другим европейским странам.

Плавание Кироса и Торреса было лебединой песней испанских заморских открытий. Испания утрачивала свое долгое господство на морях.

С конца XVI — начала XVII в. господствующая роль в колониальной экспансии переходит к Нидерландам.

В XVI в. в Голландии интенсивно развивался капитализм. Испанский абсолютизм мешал этому процессу. В 1576 г. Нидерланды выступили против испанского господства и, освободившись к концу XVI в. от испанских войск, стали «образцовой капиталистической страной XVII столетия».

Сбросив испанское иго, голландцы начали вытеснять своих бывших господ и из их заморских владений. Главным объектом колониальной экспансии Голландии была Южная и Юго-Восточная Азия. Из азиатских и тихоокеанских колоний Испании удалось сохранить лишь Филиппины и острова Микронезии.

Голландия — одно из небольших государств Европы — первой осуществила буржуазную революцию. Значительно более быстрый и глубокий, чем в какой-либо другой европейской стране того времени, процесс капиталистического развития позволил Голландии использовать иные методы колониальной экспансии. Этот «торговый народ» больше привлекали азиатские колонии Испании и Португалии, ибо они были населены народами с высоким уровнем культурного и экономического развития. Поработив их, Голландия получила обширнейшие рынки сбыта своих товаров и одновременно покупала в огромных количествах и за бесценок дорогостоящие восточные товары. Это не значит, что Голландию не интересовало золото и серебро американских рудников, но она предпочитала грабить груженные драгоценными металлами испанские суда, чем участвовать в захвате и эксплуатации испано-португальских владений в Америке. Голландцы вторглись в португальскую Бразилию, но вскоре покинули ее. В Южной Америке им принадлежали лишь маленькие острова Суринам и Кюрасао.

Первая голландская экспедиция в Индию в составе четырех судов была организована в 1595 г. Голландцы потеряли во время этого путешествия половину кораблей

и треть экипажа, но убедились в том, что можно достичь берегов Индии. В 1598 г. в Индию отправилась вторая экспедиция, в которой участвовало уже семь судов. Это плавание было более успешным. Все корабли возвратились с богатым грузом пряностей. В этом же году голландцы закрепились на острове Ява, создали там торговые фактории и постепенно монополизировали торговлю со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также Дальним Востоком. В 1601 г. в Индию было послано уже 40 голландских кораблей.

Видя доходность таких предприятий, голландские купцы в марте 1602 г. объединились в общество по торговле с Индией — нидерландскую Ост-Индскую торговую компанию. Компания приобрела такие права и привилегии, что стала своего рода государством в государстве. Она получила монополию на торговлю, назначала чиновников в Индию, вела войны и заключала мир, чеканила монеты, строила города и крепости, создавала колонии. Капитал компании был огромным по масштабам того времени. Если британская Ост-Индская компания начала свою деятельность в 1600 г. с капиталом 72 тыс. ф. ст., что равнялось 864 тыс. гульденов, то капитал нидерландской Ост-Индской компании составлял 6,6 млн. гульденов.

Голландцы укрепились в Индии, Шри Ланке, на полуострове Малакка, Молуккских островах, Яве. Захватив Джакарту, они сделали ее своим главным опорным пунктом и переименовали в Батавию. Здесь находилась резиденция генерал-губернатора факторий и торговых станций нидерландской Ост-Индской компании.

Обосновавшись на Молуккских островах, голландцы попытались косвенным путем присоединить к своим владениям в Юго-Восточной Азии западную часть Новой Гвинеи, заключив с одним из местных султанов договор, в котором признавались его права на западную часть острова. К прямому захвату этой территории (Западный Ириан) голландцы приступили лишь в 1828 г.

С первых же шагов своей деятельности нидерландская Ост-Индская компания начала поиски Южной Земли. Один из кораблей компании, ведомый капитаном Вилем Янсзоном, обогнул с юга Новую Гвинею и достиг побережья Австралии в месте, называемом сейчас мысом

Йорк. Матросы, высадившиеся на берег в поисках воды и пищи, были убиты аборигенами. Янсзон поспешил уйти от этих негостеприимных берегов и в июне 1606 г. вернулся в Батавию.

Следует сказать, что голландские моряки стали ходить в свои владения в Юго-Восточной Азии другим путем, не тем, что ходили до них португальцы и испанцы. Старый путь в Индию шел от мыса Доброй Надежды вдоль берегов Африки до самого экватора, а потом уже на восток. Голландцы избрали более короткий маршрут. Они плыли прямо на восток от мыса Доброй Надежды и затем через 4 тыс. миль поворачивали на север. Таким образом они сократили время перехода из Голландии в Батавию с восемнадцати месяцев до шести. Это помогло голландцам обнаружить Южный континент и исследовать его западное и северо-западное побережье. Отзывы голландских моряков о новой земле были обескураживающими. «Мы не видели ни одного плодоносящего дерева, — сообщалось в одном из отчетов, — ничего такого, что люди могли бы использовать». Коренных жителей голландские моряки характеризовали как «бедных и жалких негодяев».

В 1636 г. генерал-губернатором Батавии стал Антони Ван Димен. Этот человек был одержим идеей расширения нидерландских владений в Южных морях, что очень ценилось и поощрялось руководством Ост-Индской компании. 16 сентября 1638 г. совет директоров компании писал Ван Димену: «Ваша милость действует мудро, уделяя большое внимание открытию Южной Земли и золотоносных островов, которые были бы весьма полезны компании, дабы возместить ей тяжелое бремя и дать реальное ощущение доходности ост-индской торговли». По приказу Ван Димена два корабля под командованием капитана Абеля Тасмана покинули Батавию в августе 1642 г. и отправились исследовать «оставшуюся неизвестной часть земного шара».

Плывя на юго-восток от острова Маврикий, экспедиция достигла неизвестной земли, которая получила название Земли Ван Димена. Затем Тасман подошел к берегам Новой Зеландии, приняв ее за Южный материк. На следующий год Тасман исследовал северную часть Австралийского материка, но не нашел там ничего привлекательного для Ост-Индской компании, т. е. ни

золота, ни серебра. И компания утратила интерес к дальнейшим поискам в Южных морях.

Следующим европейцем, посетившим берега Австралии, или, как тогда говорили, Новой Голландии, был англичанин У. Дампир.

Во второй половине XVII в. в трех морских войнах (1652—1654, 1665—1667, 1672—1674) Англия нанесла Голландии сокрушительное поражение, навсегда низведя ее на положение второстепенной европейской державы. Став могущественной торговой и морской державой, Англия прочно утверждается и на тихоокеанской арене.

В январе 1688 г. У. Дампир достиг берегов Новой Голландии и находился там три месяца. В следующем году он вторично отправился к Южному материку. На этот раз Дампир исследовал северо-западную часть континента, но недостаток питьевой воды заставил его прервать работу и повернуть корабль к острову Тимор.

Вернувшись на родину, У. Дампир предложил британскому адмиралтейству организовать новую экспедицию к Южному материку для обследования его восточного берега. В 1699 г. на корабле «Роубак» Дампир дошел до западных берегов континента, повернул на север и, идя вдоль северных берегов Новой Гвинеи, открыл остров, который назвал Новой Британией. Далее, согласно инструкции адмиралтейства, он должен был спуститься к югу и исследовать восточное побережье Южной Земли. Но состояние корабля, а также враждебные отношения, установившиеся у У. Дампира с командой, заставили его вернуться назад.

По возвращении в Англию У. Дампир опубликовал отчет «Путешествие в Новую Голландию», в котором подчеркивал важность открытой им Новой Британии как базы для дальнейших действий Великобритании в Тихом океане. Дампир совершил еще одно плавание в Тихий океан. Его экспедиции усилили в Англии интерес к Тихому океану. Это нашло отражение и в английской литературе того времени. Свифтовский Гулливер путешествует в основном в Тихом океане, Лилипутия находится где-то на северо-западе от земли Ван Димена, а страна Гигантов — Бробдингнэг — на востоке от Японии. Дефо при создании «Робинзона Крузо» использовал историю некоего Александра Селкирка, найденного капитаном Шелвоком на островах Хуан-Фернандес в Ти-

хом океане, хотя действие романа происходит на одном из островов Карибского моря.

Взросший интерес к Тихому океану привел к созданию в 1711 г. Компании Южных морей, которая должна была помогать участию Великобритании в эксплуатации тихоокеанских владений Испании. Этот вопрос обсуждался во время мирных переговоров, венчавших войну за «испанское наследство». Но Утрехтский договор 1713 г. не дал Великобритании никаких торговых привилегий в Тихом океане.

Следует сказать, что в конце XVII — начале XVIII в. Англия уже сталкивалась на Тихом океане с французской конкуренцией. После Рисвикского мира 1697 г. Людовик XIV посадил на испанский престол своего внука Филиппа Анжуйского, дав ему следующее наставление: «Отныне вы должны быть добрым испанцем, но не забывать, что вы по рождению француз. Отныне не будет больше Пиренеев». Воспользовавшись сближением с Испанией, Людовик начал посылать в Тихий океан свои торговые корабли. В 1706 г. французский монарх даже дал поручение некоему Деникену создать на «острове Калифорния» поселение, которое бы служило центром французской торговли в Тихом океане. Но в результате Утрехтского договора, которым закончилась ожесточенная борьба европейских держав за «испанское наследство», Франция вынуждена была временно сойти с тихоокеанской сцены.

В ходе войны за «австрийское наследство» англичане вновь попытались вытеснить Испанию из ее владений в Тихоокеанском бассейне. Английское правительство приняло обширный план военных действий против Испании в Тихом океане. Предполагалось послать туда две мощные эскадры: одну — в западную часть Тихого океана для захвата Филиппин, другую — к тихоокеанским берегам испанской Америки с целью поднять восстание против Испании и в случае, если американские колонии отойдут от Испании, занять там ее место.

Однако эти планы осуществить не удалось. В 1740 г. в Тихий океан была послана одна небольшая экспедиция в составе шести судов, имевших на борту 961 человека под командованием Дж. Энсона. До Тихого океана дошли лишь три корабля; 335 человек умерло от болезней. Эскадра прошла вдоль тихоокеанских берегов

Южной Америки, но поднять колонии на борьбу против Испании не смогла. Единственным трофеем англичан был испанский галион. Энсон вернулся в Англию в 1744 г., приведя лишь один корабль. Эта неудачная экспедиция была тем не менее весьма высоко оценена правительством, что обеспечило Энсону быстрое продвижение по службе. Он получил высший пост в британском военно-морском флоте — должность первого лорда адмиралтейства.

Дж. Кэмпбелл, известный в свое время специалист по вопросам географии и торговли, утверждал, что для усиления могущества Великобритании необходимо укрепить ее позиции в Тихом океане. «Создадутся возможности для торговли — писал он, — которая должна поглотить огромное количество наших товаров... Расширится судостроение, и возрастет число моряков». Главной задачей английской экспансии в южной части Тихого океана, подчеркивал Дж. Кэмпбелл, должно быть отыскание и обследование Южного континента, в существовании которого он не сомневался, ибо голландцы «хорошо знакомы с Южным континентом и лишь отложили его использование до лучших времен». Дж. Кэмпбелл предлагал создать две британские базы: одну — на острове Хуан-Фернандес, другую — на Новой Британии и, опираясь на них, организовать поиски Южной Земли.

Надо сказать, что и во Франции в это время оживился интерес к Тихому океану. Шарль де Бросс в своей книге «История плаваний к Южной Земле» высказал твердое убеждение в существовании Южного континента и развил идею о выгоде для Франции его захвата и эксплуатации. Отыскать и захватить эту обширную и богатую землю, утверждал де Бросс, гораздо легче и дешевле, чем вести кровопролитные войны в Европе за какой-то клочок земли. «Какое может быть сравнение, — писал он, — между осуществлением предполагаемого проекта и захватом какой-либо малюсенькой провинции с двумя-тремя крепостями, сопровождающимся резней, разрушениями, опустошениями и стоящего в сотни раз дороже, чем предполагаемая экспедиция?»

По иронии судьбы книга де Бросса вышла в 1756 г., как раз когда началась Семилетняя война, в ходе которой Франция, как известно, потерпела жестокое пора-

жение. Но это не остановило ее стремления найти таинственную Южную Землю. Напротив, французское правительство считало, что освоение этого континента было бы своеобразной компенсацией за потери в Индии и Америке. Французский министр иностранных дел Э. Шуазёль заявил, что Франция никогда не оставит Великобританию одну в поисках новых колоний в отдаленных районах мира.

Англия, в свою очередь, тоже не собиралась свертывать свою активную деятельность в Тихом океане после больших побед в Индии и Америке в ходе Семилетней войны. Захват генералом Дренером Манилы в 1762 г. указывал на всю серьезность ее намерений.

Англо-французская конкуренция в Тихом океане усилилась. В 1763 г. Францию покинула экспедиция капитана Л. Бугенвиля, маршрут которой был засекречен. В 1764 г. из Англии вышла экспедиция Дж. Байрона, ее путь следования также сохранялся в тайне. Но оказалось, что обе экспедиции направлялись в Тихий океан, намереваясь выйти в него через Магелланов пролив. Обе группы путешественников должны были обследовать Фолклендские (Мальвинские) острова, принадлежавшие Испании, и организовать там морские станции.

Английское правительство весьма высоко оценивало стратегическое значение этих островов, расположенных к востоку от Магелланова пролива. Первый лорд адмиралтейства Эгмонт назвал их «ключом ко всему Тихому океану». Но обследование архипелага было лишь частью задачи, поставленной британским адмиралтейством перед Дж. Байроном. Согласно инструкциям лорда Эгмонта он должен был «открывать страны, до сих пор неизвестные». Дж. Байрон не сделал сколько-нибудь важных открытий. Но его плавание было для британского правительства проверкой отношения Испании к проникновению Англии в Тихий океан.

Несмотря на явные признаки упадка, Испания все еще претендовала на роль хозяйки Великого океана, рассматривая его как «испанское озеро». Реакция испанского правительства последовала незамедлительно. Посол Испании в Лондоне сразу же после возвращения Дж. Байрона в Англию посетил британского министра иностранных дел. Прежде всего он твердо заявил, что «все эти земли (в Тихом океане. — К. М.) принадлежат

испанскому королю». На вопрос министра: «Принадлежит ли Испании весь мир?» — ответил: «В этой его части — да».

Британское правительство игнорировало претензии Испании и послало в Тихий океан новую экспедицию в составе фрегата «Дельфин» под командованием С. Уоллиса и шлюпа «Сваллоу» под командованием Ф. Картерета. В их задачу входили поиски Южной Земли в более южных широтах по сравнению с теми, где до сих пор плавали европейцы.

Корабли покинули Плимут в августе 1766 г., а весной следующего года в районе Магелланова пролива из-за плохой погоды они потеряли друг друга. Плавание Уоллиса прошло без особых осложнений. Важным его результатом было открытие острова Таити. Шлюп Картерета был плохо оборудован для столь дальнего плавания. Вскоре после выхода в Тихий океан он дал течь. Необходимо было срочно искать остров, чтобы произвести ремонт, а также пополнить оскудевшие запасы продовольствия и воды. Картерет решил подойти к открытым Менданьей Соломоновым островам. Но на том месте, которое было указано на картах, имевшихся в его распоряжении, островов он не обнаружил.

12 августа 1767 г. Картерет увидел остров, принадлежащий к группе Санта-Крус. Лишь спустя несколько дней он нашел ряд островов Соломонова архипелага, открытых Менданьей. Но британский капитан этого не знал и, полагая, что обнаружил еще неизвестные европейцам острова, назвал их именем Королевы Шарлотты.

Аборигены враждебно встретили высадившихся на берег английских моряков, засыпав их копьями и стрелами. Наскоро починив корабль, Картерет поспешил оставить остров. Обогнув западную часть Соломоновых островов, «Сваллоу» направился к Батавии, где стоял на ремонте с июня по август 1768 г. В Англию Картерет возвратился 20 мая 1769 г. Он и не подозревал, что одновременно с ним почти по тому же маршруту совершал кругосветное плавание французский капитан Бугенвиль.

Фрегат «Будёз» под командованием Бугенвиля покинул Францию в ноябре 1766 г. В задачу экспедиции входили поиски Южной Земли. В январе 1768 г. «Будёз» вошел в Тихий океан через Магелланов пролив. Французы высаживались на Таити, Самоа, Новых Гебридах.

Дойдя до Большого Барьерного рифа, они повернули назад, не увидев Австралии.

Бугенвиль обнаружил в западной части Соломоново-го архипелага острова, которые в дальнейшем получили название Бука и Бугенвиль. Он также открыл еще один остров, которому дал название Шаузэль. 28 сентября 1768 г. Бугенвиль прибыл в Батавию. Обогнув Африканский материк, он 16 марта 1769 г. вернулся во Францию.

Открытую ими землю на юге Тихого океана голландцы сначала называли Terra Australis, а через некоторое время после второго плавания Тасмана в 1644 г. стали называть Новой Голландией.

Британская колонизация в Южных морях в широких масштабах началась с плавания Джеймса Кука.

Во время своего первого плавания в Тихом океане Кук в марте 1770 г. закончил исследование берегов Новой Зеландии, а в апреле его корабль, плывя к северо-западу от Новой Зеландии, вошел в австралийские воды.

19 апреля 1770 г. перед англичанами открылись берега Австралии. «Я назвал это место Хикс, — писал в своем дневнике Дж. Кук, — потому что лейтенант Хикс был первым, кто увидел эту землю». Подыскивая подходящее для высадки место, Кук поднимался вдоль берега на север, пока не достиг места, названного им Ботани-Бей, поскольку сопровождавшие Кука в экспедиции ботаники обнаружили там большое количество неизвестных им ранее видов растений, птиц и зверей.

29 апреля 1770 г. матросы Кука высадились на австралийский берег. Встреча с аборигенами и в этот раз не была дружеской. Аборигены осыпали англичан градом камней и копий, англичане ответили залпом из ружей. «Так, — грустно отмечает современный австралийский историк М. Кларк, — европеец начал свое общение с аборигенами восточного берега». До 6 мая Дж. Кук исследовал район Ботани-Бея, а затем продолжил свое плавание на север. Выйдя к северу от Кейп-Йорка и убедившись, что открытый им материк от Новой Гвинеи отделен проливом, Дж. Кук объявил его собственностью британской короны. Сойдя на берег одного из островов Торрессова пролива, названного Поссешн, Кук водрузил на нем британский флаг, заявив, что отныне власть британского государя распространяется на весь восточный берег материка от 38° ю. ш. до острова Пос-

сешн. При этих словах стоявшие с ним рядом матросы дали три залпа из ружей, на которые с корабля ответили выстрелами из пушек.

Восточная часть Австралии, названная Куком Новым Южным Уэльсом, стала собственностью британской короны.

Но прав был известный английский мореплаватель конца XVIII — начала XIX в. Мэтью Флиндерс, писавший: «Путешествия, которые были предприняты в XVII и XVIII столетиях голландскими и английскими мореплавателями, привели к открытиям различных обширных районов суши в Южном полушарии, которые необходимо было объединить. Пришлось признать существование земли, почти равной по размерам всей Европе. Однако в отношении этой земли, хотя было известно, что она отделена от всех остальных частей света и географы были склонны именовать ее континентом, оставались сомнения, касавшиеся ее целостности; обращалось внимание на то, что, поскольку наши знания об одних районах этой страны не основываются на достаточно достоверной информации, а о других — мы совершенно ничего не знаем, может оказаться, что это не одна большая земля, а отдельные большие острова».

Первым, кто обошел вокруг Австралии и таким образом доказал существование пятого континента, был упомянутый выше М. Флиндерс. Он сделал это в 1802—1803 гг.

В начале XIX в. русские мореходы совершали смелые и длительные экспедиции по всему простору Великого океана. В 1803—1806 гг. корабли «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского предприняли первое в истории русского флота кругосветное плавание, подробно обследовав некоторые из Гавайских и Маркизских островов. В 1807—1809 и 1817—1819 гг. В. М. Головнин побывал на острове Танна (Новые Гебриды), на Гавайских и Марианских островах.

27 сентября 1814 г. капитан М. П. Лазарев на корабле «Суворов» открыл пять островов. Два продолжительных плавания по Тихому океану совершил русский мореплаватель О. Е. Коцебу в 1815—1817 и 1823—1826 гг. Он обнаружил ряд неизвестных европейцам ост-

ровов в архипелаге Туамоту и группе Маршалловых островов, а также посетил Таити, Самоа и Гавайи.

Ряд островов открыл в августе 1820 г. капитан З. И. Понафидин на корабле «Бородино». Экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в 1819—1821 гг. привела к открытию Антарктиды.

Так были найдены два последних континента на нашей планете. Бороздя просторы Тихого океана, мореплаватели упорно искали Южную Землю, увлекаемые идеей Кироса. Чем больше поначалу они познавали Великий океан, тем меньше оставалось у них надежд найти таинственную землю на юге. Казалось, что это просто романтическая мечта испанского морехода. Новые экспедиции приносили новые опровержения идеи Кироса. Во время своего второго плавания в Тихом океане Кук задался целью обязательно отыскать эту землю. Он с невероятным упорством в течение двух лет пробивался в высокие широты Тихого, Индийского и Атлантического океанов, но не встретил ее. «Южного материка не существует», — записал Кук в своем дневнике. А ведь его корабль почти подошел к нему. Лишь двести километров отделяло Кука от Антарктиды. И Кирос оказался в конце концов прав: Южная Земля существовала. Их оказалось даже две, и в совокупности своей занимаемая ими площадь значительно превышает размеры Южной Земли Святого Духа, созданной его воображением.

Прошло без малого четыре века со времени плавания Кироса. Современный авиалайнер за считанные часы с легкостью совершает тот путь, на который Кирос потратил многие месяцы тяжелого опасного плавания. Казалось бы, чем могут заинтересовать сейчас подобные путешествия. А интерес к ним ныне живущих людей очень велик. Так наверняка будет и с грядущими поколениями. И дело не только в том, что времена великих географических открытий остаются всегда чарующим романтическим отрочеством человечества. Немало детей в наше время строят модели старинных каравелл, а вырастая, уходят на парусниках в опасные плавания, ибо море по-прежнему грозно. Видимо, неистребимо в людях желание ощутить свою силу, ловкость и мужество в единоборстве со стихией без услужливой помощи могучих технических средств созданных человеческим разумом.

До Кироса и после него было немало знаменитых мореплавателей. Но их великие тени не заслоняют его.

Кирос был не только замечательным навигатором. Он «в свой жестокий век» резко выделялся человечностью, удивительным бескорыстием.

В отличие от «рыцарей наживы», прикрывавших свою звериную алчность в открываемых землях ссылками на служение богу и папе, Кирос был действительно убежденным католиком, видевшим цель своих открытий в приобщении язычников к истинной вере. Отсюда его почти не встречавшееся в то время гуманное отношение к аборигенам открываемых земель. В этом отношении достаточно привести два примера.

Как уже говорилось выше, во время одной из высадок Торреса с солдатами на берег бухты Сан-Фелипе-и-Сантьяго ими были захвачены три мальчика-аборигена, а также двадцать свиней. Когда люди Торреса вернулись на флагманский корабль, один из находившихся на борту солдат сказал в присутствии Кироса, что было бы лучше, если б отряд Торреса вместо трех ребят доставил на корабль тридцать свиней. Кирос с большим негодованием заметил солдату, что он, напротив, не променял бы ни одного из этих мальчиков на все блага мира.

Во время страшной бури у берегов Калифорнии 12 сентября 1606 г., когда, казалось, не было никакой надежды на спасение, терявший силы Кирос распорядился привести к его постели мальчиков-аборигенов Южной Земли Святого Духа, и корабельный священник произвел обряд крещения, за которым Кирос, крестный отец мальчиков, следил глазами, полными слез.

Кирос чем-то напоминает Дон Кихота Ламанчского, созданного воображением Сервантеса, его современника.

Бесстрашным и добрым, мечтательным и верным, счастливым и несчастным был Педро Фернандес де Кирос — этот Тихоокеанский Рыцарь Печального Образа.

30 июня 1980 г. под дробь барабанов и звуки флейт в Виле, столице Новых Гебрид, был поднят красно-черно-желтый флаг нового независимого государства Океании — Республики Вануату. Мятеж на Эспириту-Санто был подавлен месяц спустя.

Молодая республика начала свою жизнь в международном сообществе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

В ПОИСКАХ СТРАНЫ ОФИР	3
---------------------------------	---

Глава II

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ	39
---------------------------	----

Глава III

РЫЦАРЬ ЮЖНОЙ ЗЕМЛИ	74
------------------------------	----

Ким Владимирович Малаховский

В ПОИСКАХ ЮЖНОЙ ЗЕМЛИ

*Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы
о странах Востока»*

Редактор *Л. З. Шварц*. Младший редактор *М. В. Малькова*.
Художник *А. И. Жданов*. Художественный редактор *Э. Л. Эр-
ман*. Технический редактор *З. С. Теплякова*. Коррек-
тор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14760

Сдано в набор 23.09.82. Подписано к печати 27.01.83. А-09026.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура лите-
ратурная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,77.
Уч.-изд. л. 5,48. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5321. Зак. № 628.
Цена 35 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании.
18 л.**

В монографии рассматривается применительно к странам Океании каждый из элементов понятия «Этническая ситуация»: этнический состав населения, типы этнических общностей, степень развития этнического самосознания, этнические, демографические и миграционные процессы, национально-языковые проблемы, политика в национальном вопросе, межэтнические отношения. В книге приводятся новейшие сведения об этногенезе и этнической истории океанийских народов, дается прогноз основных направлений этнического развития Океании.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12. Магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

Тихоокеанский регионализм: Концепции и реальность. 20 л.

В книге анализируются интеграционные процессы в межгосударственных отношениях стран азиатско-тихоокеанского региона в 60-х— начале 80-х годов нашего столетия, исследуются политические и военно-стратегические аспекты региональной политики тихоокеанских империалистических держав, концепция «Тихоокеанского экономического сообщества», возможности практического воплощения идей создания тихоокеанского «общего рынка». В книге показывается позиция СССР в вопросах укрепления и развития политического и экономического сотрудничества в названном регионе.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12. Магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

